

Опасная связь

Автор:

Аннабел Брайант

Опасная связь

Аннабел Брайант

Шарм (АСТ)

Амелия Стратмор – чертенок в юбке, гоняющий потенциальных женихов самыми невероятными способами, в числе которых – толчок прямо в реку и поджигание парадного костюма. Отчаявшись выдать ее замуж, старший брат Амелии умоляет о помощи лучшего друга – сурового Ландена Бекфорда, герцога Скарсдейла...

Ланден, затравленный некогда злобными светскими сплетнями, не был в столице много лет – и не думает задерживаться там надолго, а тем более становиться объектом выходок дерзкой девчонки. Однако внезапно он понимает, что смелая, живая Амелия вызывает в его душе нежные чувства, о которых он, казалось бы, заставил себя забыть навсегда...

Аннабел Брайант

Опасная связь

Посвящается моим родителям, которые всегда напоминали, что я смогу добиться всего, если поверю в себя.

И Дэвиду и Николасу, которые каждый день доказывают, что дом – то место, где мое сердце бьется сильнее.

Глава 1

Лондон, Англия

1817 год

Мэтью Стратмор, граф Уиттингем, изучал кусочки пазла, разбросанные по столу красного дерева, стоящему рядом с окнами его кабинета. Оконные переплеты по моде того времени были узкими.

Пазл в виде карты мира требовал всего его внимания и умения. Довольно хмыкнув, он закончил очередную часть и потянулся к кусочку, что мог оказаться как Сицилией, так и Сардинией, но тут в дверь постучали.

– Войдите.

– Милорд, к вам визитер.

Однако у стоящего в дверном проеме дворецкого в руках не было обычного серебряного подносика.

– Спасибо, Спенсер. Посетитель дал вам визитную карточку?

– Не дал. И не назвал своего имени.

– В таком случае у меня нет времени.

Граф придвинул к себе прислоненную к столу трость и оглядел стол, намереваясь еще какое-то время пособирать пазл, прежде чем сосредоточиться на более важных делах.

– Милорд?

Тон Спенсера заставил графа повернуть голову и с любопытством посмотреть на дворецкого:

– Да?

– Джентльмен попросил показать это, на случай, если вы откажетесь его принять.

Слуга шагнул вперед. На обтянутой перчаткой ладони лежал замшевый мешочек.

– Какого черта?!

Уиттингем выхватил мешочек у дворецкого и высыпал на стол его содержимое. У него мгновенно перехватило дыхание, настолько резко, что он даже не услышал зловещего звона часов в коридоре: слишком огромна была нахлынувшая на него волна воспоминаний.

– Немедленно пригласите его.

Дворецкий поспешно направился к двери.

– Поторопитесь, Спенсер, прежде чем джентльмен уйдет.

Уиттингем, хоть и с трудом, но успел взять себя в руки, прежде чем в кабинет вошел герцог Скарсдейл. При виде его губы графа раздвинулись в дьявольской улыбке. Уиттингем радостно заключил друга в крепкие объятия.

– Скарсдейл! Глазам не могу поверить.

Джентльмены разомкнули объятия, пожали друг другу руки, и десять лет разлуки испарились, будто их не было и в помине.

– Я тоже. Тебе лучше других известно, как я презираю этот город.

Это было напоминание о событиях, из-за которых Ландену Бекфорду, третьему герцогу Скарсдейлу пришлось уехать из Англии как можно дальше. Но Уиттингем решил не позволять воспоминанию омрачить встречу. Он был очень рад видеть старого друга и, невзирая на то, как относилось общество к необъяснимой добровольной ссылке Скарсдейла, не питал к нему неприязни или обиды.

Несколько секунд оба молчали. Потом Мэтью потянулся к лежавшим на столе карманным часам, сунул их в замшевый мешочек и с грустным вздохом отдал его другу.

– Спасибо.

В единственном слове прозвучало столько невысказанного!

Ланден положил часы в карман.

Мэтью оперся о стол и подбородком сделал другу знак садиться.

– Бренди? Или ты отрекся от этого яда? – спросил он, глянув в сторону шкафчика со спиртным. – Во время нашей последней встречи ты был мертвецки пьян.

– Не смотри на меня так. Тогда ты тоже был не в себе, – кивнул Ланден. – Кроме того, не ожидал же ты, что я утону в бутылке и буду оставаться на дне все десять лет?

Усевшись поудобнее, он окинул взглядом сначала левую ногу Мэтью, потом трость.

– У меня все в порядке, знаешь ли.

Мэтью не желал вдаваться в подробности, да герцог и не думал расспрашивать.

– Итак, почему ты вернулся?

– Поверенный передал мне герцогский титул и все наследство после смерти брата. Но Дуглас прибавил к завещанию чертового условие касательно его

городского дома. Я сдавал его с тех пор, как покинул Лондон, но арендатор что-то натворил, и я больше не мог ждать, когда поверенные уладят неприятности. Хочу продать дом и навсегда распрощаться с этим городом.

– С помощью поверенного ты, несомненно, сумеешь все решить, тем более что сейчас находишься здесь.

Мэтью направился к шкафчику с выпивкой.

– Возможно, у твоего брата имелась особая причина, заставившая его поставить такое условие. Я часто о нем думаю. Дуглас был хорошим человеком.

– Был.

Ланден коснулся пальцами кармана, где лежал замшевый мешочек.

Мэтью не хотелось воскрешать воспоминания о мертвых, и потому между друзьями на какое-то время воцарилось глубокое, тяжелое молчание.

– Итак, чем я могу помочь? Тебе негде жить?

Держа в одной руке бокал с бренди, в другой – трость, он уселся за стол.

– Приглашаю жить у меня, сколько захочешь или сколько понадобится. Буду рад компании.

Ланден наблюдал за жизнерадостным, как всегда, другом, и его терзало давно, казалось бы, забытое воспоминание. Он мог ненавидеть этот город, но каким бы добровольным ни было его уединение, ему не хватало общения с друзьями. Много лет он отклонял любые предложения, присылаемые в его загородное поместье, пока несколько еще остававшихся у него друзей не перестали требовать его присутствия. И в этом не было ничьей вины. Он дал понять, что не желает иметь ничего общего с высшим светом. Как только его дела с банком будут завершены, он собирался вернуться в Бекфорд-Холл и продолжать вести существование отшельника.

– Мне действительно нужно где-то жить. Спасибо. Чертовски трудная задача – держаться в тени, но надеюсь, получится.

Городской дом Уиттингема находился на Кливленд-роу, рядом с Пэлл-Мэлл: не настолько тихое место, какое предпочел бы сам герцог, но иного выбора не было.

– Сделай мне одолжение: никому не говори о моем появлении, – попросил Ланден.

– Заметано. Я предупрежу слуг. Им необязательно знать твое имя и цель приезда.

Мэтью откинулся на спинку стула, и Ландену на кратчайшее мгновение показалось, что он различил на его лице тень ухмылки.

– Возможно, и ты сделаешь ответное одолжение.

Друг даже в детстве отличался проницательным умом. Ланден не смог бы отказать ему ни в чем, ведь Мэтью получил пулю в ногу, защищая его честь.

– Конечно. Только скажи, что именно я должен сделать.

Мэтью ответил короткой улыбкой:

– Превосходно. Позволь объяснить: мои родители удалились в Лейквью. Отец временами задыхается, а городской воздух чересчур густ и влажен. Они видели десятки сезонов и больше не желают появляться в обществе. Особенно потому, что здоровье отца уже не то, что прежде. Поэтому они попросили меня найти мужа Амелии.

– Амелия.

Ланден много лет не думал об Амелии, своевольной малышке, в характере которой было больше уксуса, чем сахара. Зато природа наделила ее поразительно зелеными глазами. Глазами, способными настолько заморозить мужчину, что бедняга даже не поймет, что она ударила его коленом в пах, пока

нижнюю часть его тела не пронзит жестокая боль.

– Как мило, – пробормотал герцог, откашлявшись, хотя внутренний голос просто вопил: – Удачи тебе!

– Никого не удивляет, что моя сестра вовсе не намерена покорно идти под венец. Мы с ней словно вода и масло. Так было всегда, и подозреваю, что она противится моим попыткам отдать ее замуж только затем, чтобы мне досадить. Тем временем матушка желает получить результаты и волнуется, что отцу не обрести покоя, пока он не увидит Амелию пристроенной.

Оба собеседника чувствовали себя неловко. Ланден провел ладонью по щеке в попытке облегчить внезапно возникшее напряжение.

– Что я должен делать?

В голове возник второй, панический вопрос, но он его не озвучил.

«Неужели Мэтью попросит меня жениться на Амелии?»

Но этого просто быть не может! Весь Лондон самого что ни на есть плохого о нем мнения. Ни один мужчина не захочет иметь зятем отщепенца.

Последовало невыносимое молчание. Наконец Мэтью ответил:

– Помоги мне. Я в отчаянии. Найди ей мужа и уговори ее согласиться. Мне нужно выдать Амелию замуж и благополучно от нее отделаться. Чем скорее, тем лучше. Жизнь достаточно сложна и без выходов Амелии.

– Как, по-твоему, мне удастся это сделать и остаться незамеченным? Меня не было десять лет, все в городе думают обо мне худшее. Как только в обществе пронюхают, что я вернулся...

В груди что-то сжалось при воспоминании о том, как учтивые соболезнования после безвременной кончины брата превратились в завуалированный допрос об обстоятельствах несчастного случая, а позже преобразились в возмутительные вопросы и откровенные обвинения самого низкого пошиба.

– Я не прошу тебя сопровождать ее на бал, – заверил Мэтью, спеша успокоить друга, – просто помоги ей понять, что она ведет заведомо проигрышную битву. Амелии необходимо выйти замуж, и хотя я не уверен, что она настроена против самой этой идеи, все же она возражает против любого джентльмена, который уделяет ей внимание. Повлияй на нее. Когда мы были детьми, она прислушивалась к каждому твоему слову.

– Но сейчас все мы выросли, и я не видел ее много лет.

Ланден сомневался, что сможет как-то помочь в выполнении плана Мэтью.

– Ты просишь меня, негодяя, пользующегося печальной славой и подозреваемого в тайном сговоре с целью убийства, каким-то образом оставаться на заднем плане и одновременно совершить маленькое чудо?

– Я всегда считал тебя несгибаемым, – расплылся в улыбке Мэтью.

– Дурацкое мнение.

Ланден снова заерзал.

– Я не собирался чересчур долго оставаться в городе.

– Таковы мои условия. Прими или откажись.

Мэтью встал и сделал несколько шагов: его хромота была постоянным напоминанием о героизме, за который он заплатил слишком большую цену.

– Кроме того, если поработаешь головой, сумеешь легко решить проблему, и все только выиграют от этого.

Эта фраза, повлекшая за собой воспоминание о ситуации, в которой прозвучали похожие слова, эхом отдалась в пустой груди Ландена, и он сглотнул, пытаясь убрать комок в горле. Мэтью был одним из немногих друзей, не отвернувшихся от него после того, как всем стали известны некоторые детали, касавшиеся смерти Дугласа. Насколько трудно будет помочь его сестре выйти замуж? Он как

можно скорее поведет ее к алтарю с первым же мужчиной, сделавшим предложение, а затем займется личными планами.

– Согласен.

Ланден глубоко вздохнул и протянул руку для крепкого рукопожатия.

Мэтью с большей ловкостью, чем прежде, обошел письменный стол и порылся в бумагах, разбросанных по затянутой фетром поверхности.

– Матушка составила для меня список... Уверен, что это поможет.

– Блестяще. Список кандидатов значительно облегчит дело.

Дурное предчувствие Ландена ослабло. Возможно, он волнуется из-за пустяков.

– Не кандидатов, – от души рассмеялся Мэтью. – Будь все так легко, я бы сам занялся замужеством Амелии. А вот и список.

Он вытащил лист бумаги из длинного ящика.

– Тут перечислены качества, которые матушка считает необходимыми для будущего зятя. Видимо, она полагала, что я выдам Амелию замуж за первого же, кто сделает предложение, после чего буду считать свой долг исполненным, – насмешливо произнес он. – Как мало она в меня верит! Так или иначе, вот он.

Ланден с трепетом взял бумагу, наскоро пробежал глазами, после чего сложил и спрятал в левый нагрудный карман жилета.

– Что-то еще?

– Всего лишь мысль. Когда будешь рассматривать кандидатов, следует избегать лорда Трента. Он неисправим. В прошлом месяце Амелия подожгла ему промежность.

– Прошу прощения?

Нижняя часть тела Ландена непроизвольно напряглась, а сам он заерзал на стуле. Снова!

Выражение лица Мэтью становилось то веселым, то раздраженным.

– Недавно мы посетили званый ужин, на котором я намеревался выполнить план матери и посредством сложнейших манипуляций поменять место Амелии за столом на то, что было рядом с лордом Трентом. Он не только всеми уважаемый пэр, но еще и умело управляет поместьем и редко бывает не в форме. Идеальный кандидат.

Немного передохнув, Мэтью продолжил:

– Временами моя сестра может быть очаровательной, и я надеялся, что она увлечется молодым графом, поскольку большинство других леди преклоняются перед ним.

Ужин проходил прекрасно, по крайней мере, я так считал, и разговор зашел о светских новостях. Я был в восторге. Судьба, как видно, улыбалась мне. Но к сожалению, Трент, по-видимому, в приступе временного помешательства, который я и сейчас не могу объяснить, заметил, что женщинам достались все преимущества брака, тогда как мужчины обречены на роль подкаблучников. Амелия тут же вскочила с таким яростным видом, что опрокинула серебряный канделябр в центре стола, уронив при этом на колени лорда Трента шесть горящих свечей. Хорошо, что я молниеносно среагировал, загасив пламя содержимым графина для воды, в противном случае у бедняги не осталось бы надежды обзавестись наследниками.

Ланден откашлялся. Дважды.

– Нечего и говорить, что я вычеркнул его из списка. – Мэтью повернулся к столу, где лежали сотни кусочков разобранного пазла: – Только необыкновенный мужчина оценит безрассудно смелый нрав Амелии.

– Ты так это называешь? – Ланден тоже подошел к столу и окинул взглядом разбросанные кусочки: – Кого еще я должен избегать?

– Лордов Райли и Ленокса.

Мэтью прибавил кусочек к Атлантическому океану на краю нового континента:

– Кажется, это все.

– Как разумно с твоей стороны было свалить на меня эту проблему, ведь сам ты, видимо, считаешь ее неразрешимой.

Ланден наблюдал, как друг последовательно добавляет еще три кусочка, образующих короткий отрезок границы Египта. Египет... вот место далеко от мучительных воспоминаний, возродившихся в Лондоне, и от дурацкого предприятия, за осуществление которого он взялся. Пазл предлагал мириады возможностей ухода от действительности.

– Ты уж постарайся. Амелия отвергает все мои предложения. Она даже не дает себе труда их рассмотреть, и все лишь потому, что я ее брат. Противоречит мне на каждом шагу.

– Может, стоит рассказать ей, что именно ты придумал этот макиавеллиевский план? Если она до сих пор сохранила острый ум, она вскоре сама без труда докопается до истины.

– Оставляю Амелию в твоих надежных руках. Тебе я доверяю. Ты мне как брат.

Выбор слов был явно неудачен, и досада на лице Мэтью подтверждала, что он сожалеет о сказанном, но намерения его были добрыми. Ланден не хотел, чтобы друг раскаивался.

– Проводи меня в мои комнаты, прежде чем я передумаю и сбегу из дома.

Не дожидаясь ответа, Ланден решительно направился к выходу.

Вскинув подбородок и вертя в пальцах ручку розового шелкового зонтика, Амелия Стратмор направлялась по тротуару к дому своей лучшей подруги. Компаньонка тащилась следом, рассматривая трепетавшие на ветру ленты капора Амелии. Добравшись до жилища леди Шарлотты Диринг, Амелия открыла железные кованые ворота и зашагала к крыльцу по выложенной песчаником дорожке. Слава богу, после недавнего замужества Шарлотта не переехала слишком далеко от дома Амелии.

Амелия пропала бы без их утреннего ритуала, прогулки к Сент-Джеймс-сквер, где подруги садились на мраморную скамью и обменивались секретами, прежде чем вернуться по той же дороге, по которой пришли. Иногда они кормили голубей, читали стихи или наблюдали за прохожими, но неизменно беседовали о сердечных делах. Амелия рассказывала о беспорядочных попытках брата выдать ее замуж, тогда как Шарлотта жаловалась на несчастную жизнь женщины, пойманной в узы брака по расчету, в то время как она жаждала истинной любви.

Амелия отпустила молоток и стала ждать: дворецкий привык к ее частым визитам. Вскоре дамы, строго соблюдая обычай, взяли за руки и вышли на улицу. Компаньонки плелись сзади.

– Удивлена, что твой брат никак не унимается, хотя ты ясно дала понять, что сама выберешь мужчину, за которого выйдешь замуж, когда будешь готова.

Неизменная поддержка подруги была бальзамом на душу. Поскольку здоровье отца все ухудшалось, Амелия подозревала, что ее независимости скоро придет конец.

– По-моему, Мэтью мне не верит. И, кроме того, я понятия не имею, что он выкинет в следующий раз, – пожаловалась Амелия и, неожиданно хихикнув, добавила: – Хотя могу сказать, что никогда не забуду лицо лорда Трента, когда его панталоны загорелись.

– Будь я там, аплодировала бы твоей отважной обороне.

Никто, кроме Шарлотты, не знал истинной причины, по которой замечание лорда Трента вызвало в Амелии столь яростный отклик.

– Ты – моя дражайшая подруга. Я никогда и никому не позволю молоть подобный вздор, в то время как ты стала живым доказательством того, что у мужчин в браке все преимущества, а у женщин – ни одного.

Лицо Шарлотты стало серьезным, и несколько секунд в тишине слышался только цокот каблучков по брусчатке тротуара. Мимо прокатил экипаж, за которым бежала маленькая собачонка. Амелия молча наблюдала за животным, чувствуя, как болит сердце за безутешную подругу.

– В последнее время все не так плохо. – Амелия крепче сжала руку Шарлотты. – Этого я боюсь больше всего. Когда лорд Диринг привычно груб, по крайней мере, знаешь, чего ожидать. Но когда он становится добрым, во мне просыпаются самые страшные подозрения.

Невольно вздрогнув, она сильнее обняла Шарлотту:

– Ты, кажется, упоминала, что хотела бы иметь четвероногого друга? Собака или кошка составит тебе компанию, когда он запирается в кабинете или чем-то занят. Пандора всегда со мной, каким бы ни было мое настроение. И хотя кошки не говорят, ей всегда удастся меня утешить.

– Да. Но учти все неприятности, причиной которых была Пандора. Лорд Диринг будет недоволен, если мой питомец поцарапает мебель или запачкает ковер.

Амелия громко фыркнула, заглушив возражения Шарлотты:

– Он собирается когда-нибудь обзавестись детьми? Дети вечно делают то же самое, если не хуже. Кроме того, если Пандора горазда на проделки, это еще не значит, что у всех кошек такой же характер.

Она улыбнулась при мысли о том, что кошка была ее вторым лучшим другом после Шарлотты и она не променяла бы ни одну из них даже на весь шоколад в мире.

– Когда я предложила приобрести питомца, он это одобрил, но слишком сдержанно.

– Ты упомянула, что они приносят счастье? – не уступала Амелия, полная решимости улучшить положение Шарлотты.

– Счастье не было условием моего замужества. Родители нуждались в надежности и финансовой стабильности, что обеспечили деньги Диринга. Если бы только у меня было время получше его узнать! Повезло тебе, что твое будущее зависит от брата, а не от погрязших в долгах и нуждающихся в немедленном спасении родителей.

Они добрались до Сент-Джеймс-сквер и уселись на любимую скамью. Амелия сожалела, что задала вопросы, заставившие Шарлотту вспомнить о своем несчастье. Правда, она опасалась, что ее собственная судьба будет мало чем отличаться от судьбы подруги.

– Везение не имеет с этим ничего общего. Отец болен. Когда я в последний раз его навещала, он по-прежнему дышал с трудом.

Амелия старалась взять себя в руки, хотя в голосе слышались горестные нотки.

– Полагаю, брат еще сильнее, чем раньше, намерен увидеть меня замужем, – призналась она с долгим меланхоличным вздохом. – Неужели мы обе настолько глупы, чтобы верить в настоящую любовь? Надеяться, что в жизни есть большее, чем глупые чаепития и учтивые разговоры? Иногда я гадаю, почему мы вообще решили, что для нас возможен брак по любви? Кажется, это встречается так же редко, как метеоритный дождь в рождественское утро.

Амелия в ужасе постучала по камням носком ботинка. Сердце явно противоречило здравому смыслу.

Она действительно верила в любовь. Истинную любовь. Родители были преданы друг другу, и она не могла вспомнить моменты, когда они ссорились или выказывали взаимное неуважение. И в этом была главная проблема. Они хотели, чтобы дочь вышла замуж и обрела безбрежное счастье до того, как состояние отца ухудшится или произойдет непоправимое. Но разве можно найти истинную любовь по расписанию или плану? Амелия точно знала, какие качества хочет видеть в муже, но пока что поиски успеха не имели. Если ей придется пожертвовать свободой, она хотела в ответ любви и верности. Из-за боязни не достичь этой цели ее отношение к замужеству оставалось противоречивым.

– Полагаю, мы должны довольствоваться нашей судьбой, – продолжала Шарлотта с ноткой отчаяния в голосе. – В детстве я представляла иное будущее, но лорд Диринг был весьма великодушен по отношению к моим родным. С моей стороны было бы эгоистично жаловаться, что он не выказывает привязанности ко мне или не относится как-то особенно при том, что спас от бедности моих родителей и трех сестер.

При виде такого смирения Амелия высоко вскинула правую бровь:

– Еще не все потеряно, Шарлотта. Возможно, лорд Диринг тоже пока испытывает некоторые сомнения, и со временем жизнь станет приятнее.

Это предположение было таким же неубедительным, как тень от раскачивавшихся над ними ветвей боярышника. Но Амелия была настолько предана подруге, что заставила себя казаться оптимистично настроенной.

– Он почти не говорит со мной. Временами мне кажется, что я ему даже не нравлюсь.

– А вот это сущий вздор. Ты самое доброе, прелестное и милое создание в мире. Если Диринг не разговаривает с тобой, должно быть, это лишь потому, что он лишается дара речи при виде такой красоты. – Амелия встала и расправила юбки: – Дай ему время. Возможно, мы ожидаем слишком многого и слишком скоро.

Теперь она увлеклась и болтала, как сорока, потому что не могла выдержать самоуничижительные реплики подруги.

Остальное время они разговаривали на общие темы. Положение Шарлотты еще больше убеждало Амелию не спешить с замужеством. К такому делу нужно подходить с осторожностью, хотя Амелия знала, что ради отца следует поторопиться.

Сунув зонтик и шляпку в руки ожидавшего Спенсера, она направилась наверх, не подумав осведомиться, что делает Мэтью. Вероятно, по-прежнему собирает свой пазл.

Десять лет назад, когда Мэтью оправлялся от страшной раны, боясь, что за время выздоровления сын сойдет с ума от скуки и стараясь его развлечь, мать купила ему первый пазл. Пока тело остается в вынужденном бездействии, пусть хоть ум будет чем-то занят, подумала она. Мать не знала, какой пожар разожгла. Теперь Мэтью с головой ушел в это занятие и иногда часами сидел над пазлами, словно от того, сумеет ли он их собрать, зависела его жизнь.

Амелия ворвалась в двойные двери кабинета и даже успела сделать два длинных шага, прежде чем замерла, поняв, что брат в кабинете не один.

Ланден смотрел на величественную красавицу, влетевшую в комнату, подобно королеве, у которой украли корону. Слова застыли на губах, когда их глаза встретились. Его словно молнией ударило, и этот странно знакомый удар отозвался в глубинах души. Он знает таинственную даму?

И все же он мог поклясться, что никогда не встречал ее раньше, иначе наверняка вспомнил бы это несравненное лицо и статную фигуру, не говоря о гриве растрепанных черных локонов, темных и блестящих, как вороново крыло.

Наконец он обрел дар речи, втайне радуясь, что при этом язык не свисает изо рта, как у льстивого пса.

– Прошу прощения. Уиттингем, у вас гостя. Продолжим нашу дискуссию днем.

«Счастливчик! Подумать только, такая красotka настолько часто составляет ему компанию, что о ее приходе даже не докладывают».

Ланден повернулся, чтобы уйти, но реплика друга остановила его на полушаге.

– Вряд ли Амелию можно считать гостьей, – рассмеялся Мэтью. – Не так ли, Смутьянка?

– Не смей меня так называть, – прошептала девушка. В голосе ее слышалось негодование. Слова были предназначены исключительно для брата, хотя ее взгляд не отрывался от лица Ландена. Он отметил морщинку на ее нежном лбу, словно она с трудом пыталась понять происходящее. Оказалось, он хорошо

помнил эти блестящие изумрудные глаза.

– Рад встрече, леди Амелия, – сказал он с учтивым поклоном. – Прошло слишком много времени. Я виноват, что вас не узнал. Хотя, если не ошибаюсь, ваши родители настаивали на том, чтобы вы оставались с ними в загородном поместье?

– Это был вопрос выживания, – съязвил Мэтью. – По крайней мере, у деревенского населения оставался некоторый шанс остаться в живых при встрече с ней.

– Ну да, а меня тем временем обрекли на гибель от скуки, – возразила Амелия, глядя на брата с преувеличенным терпением.

Ланден заметил, как быстро обескуражил Мэтью ее остроумный ответ. Он же не мог отвести глаз от полных, чуть припухших губ, подходивших больше куртизанке, чем благородной леди, словно созданных для жарких поцелуев и тихих слов искушения, а не светских бесед в гостиной. Нижняя часть его тела немедленно отозвалась на грешные мысли.

Мэтью, широко улыбаясь, вышел вперед:

– Когда-нибудь острый язык доведет тебя до беды.

Ланден подавил приступ кашля.

«В самом деле».

Он отступил в сторону, чтобы брат с сестрой могли перемолвиться словом, хотя ни один участник разговора не сделал попытки понизить голос.

– Ты не можешь вторгаться в мой кабинет, когда захочешь! Стук в дверь – способ продемонстрировать уважение к хозяину. Не представляю, как найду тебе мужа.

– Эти жалобы я слышу бесконечно. И поскольку ты каждодневно повторяешь одно и то же, можно подумать, что пуля нашла не твою ногу, а голову.

– Ланден, сейчас не время молчать. Выскажись и поддержи меня, – потребовал Мэтью, взмахнув рукой в сторону друга. – Амелия, ты помнишь Скарсдейла? Всего секунду назад ты его оскорбила своей несдержанностью.

Щеки леди стали алыми от унижения. Но на взгляд Ландена, ничего страшного не произошло. Ее упоминание о ране Мэтью оставалось в границах обычной родственной перепалки. Одолевавшие его эмоции, вечные угрызения совести и сожаления посещали поздней ночью, когда он отчаянно мечтал заснуть. Ланден тут же выбросил из головы ее бойкий ответ.

В отличие от самой леди.

Мельком взглянув на Амелию, он заметил, что ей неловко, и понял: она знала, что брат прав, она слишком равнодушно говорила о его увечье.

Ланден поспешил ее утешить:

– Я не настолько глуп, чтобы принимать чью-то сторону в родственной перебранке.

«Так вот в чем суть брошенного ему вызова! Мегера в лентах и бантах! Мне следовало бы снять комнаты на постоялом дворе».

В комнату с царственным величием вплыла черная кошка. Обошла юбки Амелии и привычно прыгнула на стол рядом с окнами.

– Немедленно убери Пандору, – произнес Мэтью приказным тоном. – Не позволю этому животному уничтожить Южную Америку, которую я только что собрал.

Кошка вызывающе дернула хвостом и улеглась на пазле. Стройное тело растянулось на готовой части. Задние лапы разбрасывали еще не присоединенные кусочки. Ланден с интересом наблюдал за сценой. Глаза кошки были столь же необыкновенными, как у ее хозяйки. Если бы он не видел их вместе, был бы твердо убежден, что Амелия и кошка – одно и то же создание. Нечто вроде подменыша. И кстати, может, Амелия им и была, уж слишком сильно она отличалась от девочки, которую он знал десять лет назад.

Амелия посмотрела в его сторону. Очевидно, прежний запал прошел, и сейчас она подхватила кошку, словно стараясь уберечь.

– Возможно, мне следовало бы постучать. Я не хотела мешать вашей встрече.

Судя по тону, она жалела о каждом своем слове.

– Спасибо, – дружелюбно поблагодарил Мэтью. – Скарсдейл поживет у нас, пока не уладит дела. Хорошо, что ты здесь, и я могу тебя об этом уведомить. Желаю только, чтобы ты строже следовала всем правилам этикета. Разговаривай я с кандидатом в твои мужья, такое поведение могло бы испортить первое впечатление о тебе.

Раздраженно прищурившись, она попятилась к двери, но вдруг выражение ее лица смягчилось. Лицо озарилось сияющей улыбкой.

– Была очень рада повидаться, ваша светлость. Я хотела бы остаться ненадолго и расспросить, как вы живете, но брат вздором, который непрерывно несет, просто вынуждает меня уйти! С нетерпением жду разговора с вами в более подходящее время!

Повернувшись, она выплыла из комнаты. Кошка льнула к ней, как горностаевый палантин.

– Возможно, Амелия не так противилась бы твоим брачным планам, не дави ты на нее так сильно.

Ланден с трудом отвел глаза от пустого дверного проема и подошел к другу, исправлявшему причиненные Пандорой разрушения.

– И мне не нравится, что ее заставляют выйти замуж из-за проблем со здоровьем вашего отца.

– Ей двадцать два года. – Мэтью вставил кусочек в Гибралтарский пролив. – Давно следует выйти замуж и перестать выдумывать причины для проволочек. Многие ее подруги уже замужем. Нет смысла избегать неизбежного, тем более что отец успокоится, зная, что она хорошо пристроена. Амелия вечно попадает в

самые невероятные ситуации, и я не хотел бы, чтобы она жалела о неудачном выборе.

Он присоединил еще четыре кусочка, прежде чем отступил и уставился на Ландена взглядом, в котором сквозило такое же раздражение, как во взгляде его сестры.

– По правде сказать, я хотел бы, чтобы она стала головной болью кого-то другого, – вздохнул он. – Бедному парню потребуется терпение святого.

Глава 3

Амелия торопливо шла по коридору, прижав к груди кошку, как щит, призванный заслонить ее колотившееся сердце. Скарсдейл с его глазами цвета виски и мягким голосом стал для нее неожиданной занозой, нарушившей ее тщательно выверенные планы на день. По какой-то необъяснимой причине он выбил ее из колеи. Если бы только вспомнить больше фактов из истории его сломанной жизни.

Она обошла угольное ведерко и уселась у камина, в углу гостиной. Это было ее любимое место, когда требовалось все хорошенько обдумать. Подобрав ноги под юбки, она облегченно вздохнула. Пандора, как всегда, свернулась у нее на коленях, и Амелия гладила бархатистый мех, пока сердце не успокоилось. Потом прислонилась головой к гладким камням камина и постаралась воскресить воспоминания.

В двенадцать лет ей почти не рассказывали светских новостей, но когда раненый Мэтью приехал в загородное поместье, чтобы оправиться от несчастья, ей удавалось уловить обрывки сведений, когда взрослые забывали, что она тоже сидит в комнате.

В памяти живо всплыл эпизод, когда брат встал на защиту Скарсдейла. Его рассказ был окрашен грустью. Тон был унылым, и было непонятно, что вызывает это уныние: то ли увечье, то ли обстоятельства. И она вспомнила выражение лиц родителей, сочувствующее, лишенное всякого гнева, несмотря на то, что их

единственный сын получил пулю в ногу, защищая кого-то. Мэтью по сей день называл Скарсдейла другом.

Только сейчас, встретившись с этим неотразимым мужчиной, она задалась вопросом, что он сделал такого, чтобы настолько взбудоражить общество.

В детстве она думала только о благополучии Мэтью. Как часто она испытывала его терпение, вынуждая бесконечно играть в триктрак, пока брат был прикован к постели и у него не было возможности уклониться от ее постоянных проделок и непрерывной болтовни!

Ее губы изогнулись в улыбке. Он был для нее хорошим братом, справедливым, хотя временами чересчур заботливым: именно та смесь, которая требуется от любящего родственника.

На этот раз она громко вздохнула. Ничего не поделать, невозможно избежать того факта, что приходится серьезно подумать о замужестве. Отец болен. Но как найти того, кого она сможет выносить до конца жизни? Интересного, энергичного и одновременно добросердечного и любящего?

«Возможно, Скарсдейл вернулся в Лондон в поисках жены».

При этой смехотворной мысли рука девушки замерла в воздухе, и Пандора протестующе замяукала. Даже теперь, в уединении уютного уголка она, несомненно, оставалась под впечатлением от красивых скульптурных черт его лица и низкого баритона. Когда он заговорил, его голос проник в ее душу, и крошечные стрелки возбуждения пронзили кожу: необычное и приятное ощущение. То, которое она жаждала испытать снова.

Попытка узнать, с какой целью он появился в Лондоне, отвлечет Амелию от бесплодной борьбы с родными и их намерениями найти ей мужа – по крайней мере до тех пор, пока у нее больше не останется возможности игнорировать реальность.

Амелия улыбнулась и с нежностью прижалась щекой к меху Пандоры. Ей не терпелось дождаться утра, чтобы поделиться новостями с Шарлоттой.

Только к вечеру того же дня у Ландена появилась возможность просмотреть данный ему Мэтью список. Он вынул его из кармана лежавшего на кровати жилета и уселся в раскладное кресло с бархатной спинкой. Стоило развернуть бумажный листок, как в нос ударил аромат сирени. Ланден подивился легкомыслию женщин и их потребности надушить все, что под руку попадется. Но отбросив все молчаливые размышления, пробежал глазами первый пункт:

1. Честность.

Он фыркнул. Какая удача, что ему необязательно соответствовать требованиям к кандидатам! Он явно не соответствует даже первому. Скрытность и обман стали его ближайшими союзниками в холодную ночь смерти Дугласа.

Он закрыл глаза и откинул голову на спинку кресла. Ему никогда не следовало спорить с братом. Он был молод и глуп. Воплощение неумных подростковых заблуждений вкупе с непомерным самомнением. Его уничтожающие реплики и голословные обвинения были типичными атрибутами мальчика, становившегося мужчиной. Но как он жалел, что теперь не может взять их обратно!

Ланден открыл глаза, покачал головой и вынудил себя читать дальше. Список леди Уиттингем включал следующие пункты:

2. Верность.

3. Любовь.

4. Страсть.

Очевидно, леди Уиттингем хотела внуков. Ланден попытался улыбнуться, но потерпел неудачу. Конечно, он знал, что такое любить по-настоящему: сначала родителей, потом брата, и был достаточно проницателен, чтобы понять: вся эта любовь бледнеет по сравнению с близостью между любовниками.

Но он понимал также, что любовь – чувство, выброшенное на ветер.

Его взгляд снова упал на сжатый в кулаке список:

5. Мужество.

Этого у него было в избытке. Он оставил позади легкую жизнь, приобрел привычки отшельника и призывал на помощь мужество каждое утро, когда открывал глаза и вспоминал о необходимости прожить еще день.

Время было безжалостным господином. Разве его поездка в Лондон не доказала, с какой скоростью прошли годы и как все изменилось за это время? Амелия уж точно изменилась. Возможно, будет не так сложно отплатить Мэтью добром.

Амелия была прелестна. Нет, это не то слово. Он был поражен и потрясен, когда она вошла в комнату. За эти годы она превратилась в настоящую королеву. Юная плутовка, которая причиняла множество неприятностей брату и его приятелям, выросла и стала неотразимой красавицей.

Что-то необычное шевельнулось в груди, но он отбросил непонятное чувство. Нужно выполнить свои обязательства, чтобы поскорее решить дела и избавиться от этого города. Лондон хранил слишком много воспоминаний и обладал слишком большой властью, и Ланден мог извлечь на свет божий все тайны, которые так старался похоронить навеки.

Ланден встал и вернул сложенную бумагу в карман. Она будет храниться там, как напоминание о том, что следует поторопиться с исполнением желаний Уиттингема.

Потом он подошел к буфету и налил на два пальца бренди, наслаждаясь разгоравшимся внутри огнем.

Подкрепившись, он вынул замшевый мешочек, откуда на его ладонь выскользнули часы брата. Золотая крышка, на которой когда-то красовались выгравированные инициалы Дугласа, потерялась во время несчастного случая, хотя хрусталь, поцарапанный и треснувший, все еще защищал циферблат. Он смотрел на остановившиеся часы, как делал прежде бесчисленное количество

раз, и это зрелище ничуть не облегчало его боль. Стрелки показывали время смерти брата. Двадцать минут двенадцатого.

На следующее утро Амелия, как всегда в прекрасном настроении, встретилась с Шарлоттой. Обе направились обычным маршрутом. Амелия позволила подруге болтать, пока они не уселись на любимой скамейке. Оглядевшись, чтобы удостовериться, что компаньонки их не слышат, Амелия схватила Шарлотту за руку и сообщила о последних событиях.

– Скарсдейл? Ничего о нем не знаю, если не считать того, о чем ты сейчас упомянула. Мы были слишком молоды, когда разразился скандал, и конечно, никто меня в подробности не посвящал. Лорд Диринг со мной почти не разговаривает.

Улыбка Шарлотты потухла, и Амелия увидела, как отважно подруга старается не выдать, что несчастна, хотя это с каждым днем становилось все более очевидным.

Амелия продолжала упорствовать, хотя думала совершенно о другом.

– Я заговорила об этом лишь потому, что хотела бы знать, есть ли связь между Скарсдейлом и попытками брата выдать меня замуж.

– Откуда такие мысли? – удивилась Шарлотта, вытряхивая камешек из туфли. – Ты слышала, как брат обсуждал с ним твой брак?

– Нет, но Мэтью не говорит почти ни о чем другом, причем с каждым, кто готов его выслушать. Полагаю, Скарсдейл станет следующей жертвой погони за женихами, – выпалила Амелия с отвращением. – Но неважно. У меня блестящая идея. На следующей неделе я намерена поехать в Лейквью, навестить родителей. Думаю, тебе стоит попросить у лорда Диринга разрешения сопровождать меня. Как было бы прекрасно сбежать из города на несколько дней, и кроме того, мои родители будут счастливы тебя видеть.

Причиной приглашения было тайное желание Амелии на некоторое время увезти подругу. Но при этом она хотела навестить родителей, а те будут рады обществу

Шарлотты. И она сможет излечить меланхолию лучшей подруги, не ограничиваясь полчасовыми утренними прогулками.

– Сомневаюсь, что он согласится.

Шарлотта, казалось, смутилась, и такие перемены в настроении стали еще одним гвоздем в гроб Диринга.

– Можно хотя бы попытаться. Мы никогда не узнаем, пока не спросим. Неужели лорд Диринг так тебя запугал, что ты не можешь даже просто спросить?

Она не хотела быть резкой, но когда на глазах Шарлотты выступили слезы, пожалела о необдуманных словах:

– Прости, я не хотела расстроить тебя. Я все придумала. Путешествие будет веселым. Вспомни юность, когда ты еще не была замужем! Я скучаю по тому времени, когда мы были вместе.

Лицо Шарлотты смягчилось. Она несмело шмыгнула носом, и слезы исчезли.

– Знаю. Я тоже скучаю по тебе. Все стало так сложно, но я обещаю, что спрошу у лорда Диринга разрешения сопровождать тебя в Лейквью, если ты поговоришь с братом о его намерении выдать тебя замуж. Тебе нужно узнать его планы, чтобы мы понимали, собирается ли он выдать тебя за первого попавшегося холостяка или все же спросит твое мнение. Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы ты избежала такого брака, как мой. Договорились?

Задача нелегкая. Но Шарлотта так убедительна!

Дрожь прошла по спине Амелии при мысли о браке с неверно выбранным джентльменом. Беда в том, что замужество неизбежно, хотя бы потому, что она обязана облегчить тревоги отца. Она всегда была хорошей дочерью и очень любила родителей. Но она должна, по крайней мере, понять, много ли от нее зависит в истории с замужеством.

– Договорились.

Они пожали друг другу руки в той же манере, как брат Амелии при заключении сделки. Она сама часто наблюдала подобные сцены.

Дорога домой показалась короче, а будущее – чуть светлее. Амелия поднялась наверх и вошла в кабинет Мэтью, не потрудившись постучать. Но его там не было.

У окна стоял Скарсдейл. Едва заметный ветерок шевелил его волосы цвета полуночи. Широкие плечи были расправлены. Его словно окутывала атмосфера тайны и усталости от этой жизни. Казалось, он обладает столь многими качествами, что они не помещаются внутри и выплескиваются через край и падают на пол, как смертный саван.

Он повернулся, прежде чем она смогла как следует рассмотреть его фигуру... «или хоть немного отдышаться».

– Леди Амелия, – выговорил он глубоким баритоном. Она улыбнулась, хотя у нее свело живот от паники.

– Ваша светлость, вы должны называть меня просто Амелией, как в те времена, когда мы были детьми. Кажется довольно глупым придерживаться формальностей сейчас.

– Согласен, но вам тоже не мешает называть меня по имени. Мы знакомы более десятка лет.

Последовало смущенное молчание, хотя Амелия слышала громоподобный стук собственного сердца, словно игравшего концерт на ребрах. В жизни очень немного заставляло ее нервничать, но она не знала другого названия для этого ощущения.

– Вашего брата сейчас нет.

Она отметила напряженность его взгляда и выражение угрюмой сосредоточенности на лице, вытеснившей все остальные эмоции. Вчера он казался точно таким же. Неужели выражение его лица никогда не меняется?

Но при ее упоминании о детстве он улыбнулся, хотя ей не могло быть больше шести лет, когда они впервые встретились в Лейквью. По какой-то странной причине она все еще помнила его кривоватую улыбку и ямочку на левой щеке, которая появлялась, когда он дергал ее за косички. Странно, как это единственное воспоминание осталось с ней. Мэтью обожал всякие рискованные проделки и испытания характера. Возможно, это и было причиной того, что она помнила Ландена.

– Спасибо. Могу я задать вопрос? – Не дождавшись ответа, она попыталась объяснить: – Только для того, чтобы удовлетворить мое любопытство.

Холодная ярость омрачила его глаза. Очевидно, она задела больное место, но не посмела слишком долго изучать герцога, чтобы в этом убедиться. Будет невозможно сосредоточиться на цели, если она и дальше станет упиваться глубиной глаз цвета виски.

Ланден оцепенел, но тут же вынудил себя расслабиться. Он не собирался позволять слишком прямолинейной и плохо воспитанной девице лезть в его прошлое. События, сопутствовавшие смерти Дугласа, тяжелым жерновом висели на шее, а когда-то были просто петель висельника, и он никому не разрешит даже попытаться вытащить на свет божий сведения, которые он так методично старался похоронить.

– Простите?

Его голос понизился до злобного шепота. Он выслушает вопрос Амелии, если уж она так смела, а потом напомним, что сплетни – занятие людей слабоумных.

Болезненные воспоминания о всеобщем осуждении, сопровождавшем кончину брата, заставили его стиснуть зубы. Слухи, порожденные шепотками соболезнующих, довольно быстро перетекли в бесстыдные преувеличения.

Представить невозможно, какую лживую версию намерена рассказать Амелия.

– Вы здесь, чтобы найти невесту?

– Что? Нет.

Он понятия не имел, откуда она взяла нелепое предположение о том, что в его жизни необходима женщина, и сейчас едва не рассмеялся от облегчения. Слишком скоро он поспешил ее осудить.

– О, хорошо, Я думала, возможно, мой брат...

Она не договорила, видимо осознав всю несуразность своего предположения.

– Не бойтесь. Я последний кандидат, которого выбрал бы Мэтью.

Несмотря на самоуничижительный ответ, его лицо оставалось хмурым.

Она немного расслабилась. На лице отразилось явное облегчение.

– Значит, Мэтью не говорил с вами о необходимости найти мне жениха?

Ланден отметил ее скептический взгляд и различил нотки мятежа в голосе. В голове промелькнули десятки ответов, которые он мог бы дать, чтобы избежать правды, но он отбросил все разом. Ланден столько лгал, что хватило бы на целую жизнь, но результатом этой лжи стало крайне невыгодное положение. Его ославили лгуном и изгнали из общества за старания сохранить верность брату.

– А это уже второй вопрос.

Он подошел к стоявшей у двери Амелии. Неужели, задавая столь дерзкие вопросы, она подумывала побыстрее сбежать в случае, если его ответы окажутся для нее неприемлемыми?

– Я всегда считал, что все молодые женщины мечтают о балах и тому подобных развлечениях, о жизни в светском обществе под руку с мужем.

– Но не я, – тихо ответила Амелия. Больше она ничего не сказала, но что-то изменилось. Она стояла, выпрямившись, ростом почти с Ландена, и в ней не было ничего, указывающего на поражение, и ее слова имели куда более глубокий смысл, чем могло показаться.

– Ваш брат желает видеть вас замужем, и как можно скорее. Вам двадцать два года. В этом возрасте большинство женщин уже замужем.

Она вскинула подбородок. Изумрудные глаза в рамке черных ресниц вызывающе сверкнули.

– Да. Замужем и при этом несчастливы. Само слово «замужество» означает компромисс и неудовлетворенность. Могу ли я иметь собственное мнение по этому вопросу? Он планирует мое будущее, а не собирает какой-то никому не нужный пазл, который старается закончить перед тем, как перейти к другим делам.

Она протиснулась мимо него к столу и стала рассеянно перебирать вещи, словно стараясь унять владевший ею гнев.

– Таковы законы общества. Не я устанавливаю правила, по которым живет мир.

Если бы правила устанавливал Ланден, прошлое не преследовало бы его до сих пор.

– Не желаю быть приговоренной к пожизненному несчастью, вынужденной выйти замуж по сговору или расчету.

Встряхнув темными шелковистыми локонами, она пригвоздила его взглядом и резко добавила:

– Если бы меня вынудили сделать выбор, я предпочла бы жить в одиночестве. Заметьте, я ничего не имею против брака в том случае, если со мной станут считаться.

С таким характером эта девушка любого может довести до сумасшедшего дома. Чем скорее он решит эту проблему, тем выше шанс обрести хоть немного покоя.

– Понимаю.

От негодования она покраснелась. Какой контраст невинности и уверенной манеры держаться!

«Черт меня побери, выглядит она очаровательно».

– Я не желаю, чтобы Мэтью искал мне мужа, а тем более втягивал чужого человека в личные дела. Он обвиняет меня в том, что я безбожно трачу время и не прилагаю никаких усилий, но пока что мне не удалось найти поклонника, который заинтересовал бы меня, – вздохнула она. – Почему вы согласились помочь ему?

Ланден умерил свой гнев.

– Ваш брат едва не погиб, защищая мою честь. На свете есть очень немного услуг, в которых я бы ему отказал.

Она пренебрежительно пожала плечами и выпрямилась.

– Это будет нелегко. Не могу представить, по каким причинам умный мужчина захочет получить жену, которая противоречит ему на каждом шагу.

Амелия шагнула к нему и с вызовом встретила его взгляд, при этом едва не разметав пазл развевавшимися юбками.

– Мэтью утверждает, что я упряма и своевольна. Квадратный колышек для круглой дырки и тому подобная чепуха.

В душе Ландена что-то отозвалось болью, но он безжалостно прогнал странное чувство.

– Нет ничего плохого в том, чтобы быть не такой, как все. Полагаю, вы обладаете качествами, которые перевешивают любой недостаток вашего характера.

«Пухлые губы и бесконечно длинные ноги, например. Какой восторг – ощутить, как эти ноги туго обхватывают бедра! И эти губы, прижатые к...»

Ланден откашлялся и постарался выбросить из головы недостойные мысли.

– Насколько я понимаю, вы согласились ему помочь. – Она на мгновение прикрыла глаза, прежде чем продолжить: – Полагаю, я не смогу заставить вас передумать.

– Вас что-то беспокоит в самом понятии «замужество»?

Решимость девушки поколебалась. Глаза слегка затуманились.

– Это правда.

Ответ казался одновременно и исчерпывающим, и чем-то вроде завуалированного признания. Ланден взирал на нее с живейшим интересом. При такой дерзости она казалась чрезвычайно немногословной во всем, что касалось нежелания выходить замуж. Все дело в стремлении к власти? В страхе?

– Почему вы колеблетесь и всячески откладываете решение вашей судьбы? Вы обладаете красотой, способной привлечь любого холостяка. Уверен, если пожелаете, вы сумеете очаровать любого джентльмена.

Но тут в воображении всплыл образ пылающих брюк лорда Трента, и Ланден мысленно поправил себя.

Амелия поджала губы, словно хотела ответить, но передумала.

– Кроме того, здоровье вашего отца все ухудшается, – не отставал он. –
Замужество кажется мне лучшим выходом.

– Мне не нравится мысль о том, что подобные решения принимаются поспешно, хотя я не желала бы разочаровать отца. Если вы настаиваете на достижении этой цели, мы должны прийти к соглашению. Своего рода гарантии, чтобы облегчить процесс.

Ланден постарался набраться терпения. Какое развлечение! Что предложит прелестная мегера сейчас?

– Я буду знакомиться с джентльменами, если это так уж необходимо, и предприму искренние усилия найти подходящего мужа, если вы согласитесь

прочитать короткий список моих требований.

Она слегка вскинула подбородок и тряхнула беспорядочной гривой непокорных локонов.

– У вас есть требования?

Леди была достойным противником. Хитрой коварной обманщицей в наряде из темно-красной фланели и светлых кружев.

– Просьбы. В замужестве у меня останется мало свободы. Понимаю, это глупо, но я хочу испробовать вкус возбуждения, прежде чем стану женой.

«Брак с достойным человеком наполнит твою жизнь огромным количеством волнующих впечатлений. И все они восхитительны».

Но вслух он не сказал ничего и постарался отделаться от этой мысли. Вся ситуация его не касается, если не считать данного им обещания поскорее разрешить проблему. Только тогда он займется своими делами.

– У вас на редкость мрачное представление о семейной жизни. Насколько мне известно, ваши родители много лет прожили в счастливом браке.

– О да, и это лишь подтверждает мое мнение. Родители женились по любви. Замужество по расчету или иным соображениям – ловушка. Я точно знаю, что это правда.

Она ничего не стала пояснять, а Ланден не подумал расспрашивать. Брак – пустая трата времени, но любовь... тема, по поводу которой у него имеется вполне сложившееся мнение.

– Любовь усложняет жизнь и является предметом ребяческих мечтаний. Жизнь без любви – настоящий подарок.

Амелия охнула. Тонкие брови сошлись на лбу, словно его слова одновременно шокировали и опечалили ее. Но это долго не продлилось. Она подняла подбородок еще выше.

– Так мы договорились?

Ее прекрасные глаза горели решительностью.

Очевидно, у леди на уме одно желание. Хотя он приветствовал бы любую цель, которая поможет ему ускорить процесс.

Она подступила ближе, почти чересчур близко, и его поразили яркие искры в ее блестящих глазах и легкий аромат жасмина. Это так шло ей! Ее необычайной красоте и упорному характеру. Он почувствовал прилив возбуждения. Она протянула руку, чтобы скрепить соглашение. Вид у нее был столь деловой, что его губы смешливо дернулись. Но его рукопожатие было крепким. Ее пальцы скользнули по его ладони. Отняв руку, она выскочила из комнаты. Он смотрел на ладонь, еще ощущая легкое прикосновение. И неважно, что ее уже не было рядом.

Глава 4

Неужели она продала душу дьяволу? Скарсдейл пользовался репутацией человека бессовестного, а она не только торговалась с ним, но и взяла в союзники, чтобы стремиться к общей цели. Замужеству. Тому, что она сейчас не желала, но будет вынуждена принять. Неужели с ее стороны так плохо желать любви? Герцог никогда ее не поймет. Его мнение о любви поражало.

Прежде, чем он успеет передумать и отречься от их соглашения, Амелия помчалась в свою комнату и пролиستала страницы дневника, намереваясь найти список. Отыскав желаемое, она осторожно вырвала страницу из крепко сшитого переплета и поспешила в кабинет Мэтью. Ни один джентльмен не смирился бы с таким возмутительным поведением, даже тот, кто по слухам презирал правила приличия, но она, тем не менее, раздувала пламя надежды, полная решимости воспользоваться представившейся возможностью и добиться цели.

Казалось, ноги несут ее недостаточно быстро, но наконец Амелия вернулась в кабинет и с радостью отметила, что Ланден еще там. Неужели она думала, что он сбежит? Перед ней человек, покинувший город десять лет назад, в разгар

возмутительного скандала, и ни разу не оглянувшийся.

– Вы еще здесь, – вырвалось у нее, прежде чем она прикусила язык.

Он наклонил голову.

– Я человек слова.

Глубокий голос только подчеркивал жесткость этого заявления, и Амелия подавила в себе желание уйти. Но в то же время его взгляд вызывал в памяти горячий бренди и перины, набитые гусиным пухом: тайное обещание тепла и чудесных наслаждений. Она могла бы смотреть на него вечно и никогда не уставать от зрелища.

Собравшись с духом, она твердой рукой протянула ему бумагу:

– Вот мой список.

Он взял листок и стал читать.

К концу его темные брови высоко поднялись, но он не рассмеялся. И не сунул листок ей обратно в знак отказа.

– Ваш брат будет недоволен.

– Вряд ли можно предположить, что вы настолько глупы, чтобы сообщить ему.

Нечто напоминавшее ухмылку чуть искривило губы Ландена, который тут же сунул список в правый нагрудный карман.

– И если я сумею выполнить эти три требования... – начал он с очаровательным лукавством.

– Просьбы, – перебила она.

Собственно говоря, это были именно требования. Но Амелия отказывалась позволить ему взять верх.

– Тогда вы согласитесь на брак?

– Да, – выпалила она, спеша ответить как можно быстрее, чтобы не колебаться, хотя мысок ее ботинка выбивал неровный ритм на деревянном полу.

– Почему?

Разве она может сказать ему правду? Если требования будут выполнены, значит, в браке у нее будет сила, а вместе с силой она обретет свободу.

«Свободу сбежать, если муж окажется невыносимым и моя жизнь станет такой же несчастной, как у Шарлотты».

При этой мысли душу пронзил страх, но она не сдавалась:

– Таковы мои условия. Вы согласны?

Ее отказ прямо ответить на его вопрос и вместо этого задать свой, казалось, не беспокоил его. Он подошел к шкафчику со спиртным и налил себе немного бренди.

– Где ваша компаньонка? – осведомился он, застав ее врасплох. Амелия подошла к сонетке и, позвав слугу, велела послать за горничной Мари, хотя и сомневалась, что Скарсдейлу стоит видеть ее служанку.

Появилась молчаливая, имевшая привычку широко раскрывать глаза Мари. Ланден оценивающе оглядел девушку, и Амелия неловко переступила с ноги на ногу.

– Она говорит по-английски?

Совершенно непонятно, каким образом он так легко обнаружил ее уловку!

– Я научила ее нескольким основным фразам. Но она, по большей части, обходится улыбкой и кивком.

– И ваш брат одобрил компаньонку, не знающую языка?

– Он позволил мне самой выбрать компаньонку, а сам почти с ней не разговаривал, по крайней мере, недолго, и не на тему, которая требует обсуждения.

– Улыбка и кивок.

Он смотрел на нее несколько долгих секунд, но Амелия не собиралась разрушать чары этого взгляда. Против своей воли она затерялась в его завораживающих глазах, в восхитительном оттенке карего, обрамленного золотом: сплошь жидкое пламя – необычно и неожиданно красиво. Глаза у него такие же глубокие и таинственные, как и он сам.

По неизвестной причине, чем дольше она тонула в шелковистых озерах, тем сильнее пульсировало в ее потаенных, интимных местах.

Услышав протестующий возглас, она взглянула на стоявшую в дверях, сбитую с толку компаньонку и безмятежно ей махнула:

– Можете идти, Мари. Я скоро буду.

* * *

Еще один список в кармане его жилета. Что мать, что дочь!

Он снова взглянул в ту сторону, где стояла готовая убежать Амелия. Черт возьми, она – воплощенная беда, на которую почти нет управы: вся женственная красота на поверхности и чувственный адский огонь внутри. Мужчина может сойти с ума от желания обладать такой женщиной. Ее слова были резкими, тон – язвительным. Но каковы будут на вкус эти сочные пухлые губы, если завладеть ими в глубоком, страстном поцелуе?

Он одним глотком прикончил бренди и с видимой легкостью поставил на буфет пустой бокал.

Было время, когда он хотел того, что олицетворяла Амелия: жену, детей, дом. Но из-за собственных неверных решений теперь обитал на задворках общества и питался крошками того, что бросала ему судьба. Необходимость соблюдать тайну сломала ему жизнь, сожаление омрачило мечты, а пепел надежд лучше оставить развеянным по ветру. Возможно, сознание этого и позволило ему стать сговорчивее и смириться с ее сумасбродным предложением.

Что-то, близкое к уязвимости, вспыхнуло в ее изумрудных глазах, когда она отдавала ему список.

– Предлагаю начать завтра.

Откашлявшись, он вернулся мыслями к насущной проблеме:

– Встретимся в полдень в Гайд-парке. На задах Оксфорд-стрит, напротив Тайберн Гэллоуз есть одно место. Я видел его, приехав в город, и оно прекрасно послужит нашей цели. Это заброшенное, оставляемое пешеходами в стороне поле. Вам такой вариант подходит?

– Подходит, – выдохнула она. Ее как будто удивил его амбициозный план.

Для них имеет смысл поскорее все начать. Так Ланден будет на шаг ближе к тому, чтобы выполнить свое обещание. А после того как разрешится проблема с городским домом, он навсегда уедет подальше от этого города.

– Я позабочусь обо всем необходимом, – выговорил он медленно, подчеркивая каждое слово постукиванием каблуков сапог об пол кабинета. Амелия казалась взволнованной. Ее зеленые глаза были широко распахнуты и сверкали, но он не мог понять, почему.

Именно этого она хотела. Именно ради этого заключила с ним соглашение.

– Я буду там. И приведу с собой Мари.

– Ну что же. Сойдет и она.

Эти слова легко слетели с его языка. По какой-то причине щеки Амелии порозовели.

Ланден был намерен запугать ее, убедиться, что контролирует ситуацию, дополнить список ее требований и позаботиться о том, чтобы как можно скорее выдать ее замуж, но ее близость выводила его из себя.

Впрочем, возможно, его тактика все же сработала. Ее спина была прямее каминной кочерги. К несчастью, он тоже постоянно находился в напряжении.

– В таком случае до завтра.

Ее голос прозвучал уверенно и сильно, хотя поступки говорили о другом. Она отскочила с его дороги, как испуганный кузнечик, и поспешила выйти из комнаты.

Позже вечером, поужинав в своей спальне, Ланден подошел к окну и стал смотреть на ночное небо. Он вспоминал прошедший день. Пришлось обойти правду, когда он попросил на завтра экипаж, и Мэтью почти не задавал вопросов, только предложил ему пользоваться лошадьми, когда и сколько он захочет. Его великодушие вызвало у Ландена угрызения совести. Прошлый опыт научил его, что утаивание чего бы то ни было приводит к боли.

Туча закрыла луну туманной вуалью, и прошедшие годы внезапно исчезли, оставив Ландена в том переулке, куда он верхом последовал за братом, стараясь раздобыть любой обрывок сведений, чтобы поделиться ими с Мэтью, который терпеливо ждал его в конюшне. Он принял вызов лучшего друга, потому что сам сгорал от любопытства узнать, где его брат-герцог проводит каждый вечер. Втайне он был уверен, что в каком-то опасном или скверном месте. Столь же интригующем и запретном, как бордель или игорный дом.

Но все пошло не так, как планировалось. Не только тогда, но и с тех пор.

Он оттолкнулся от подоконника, подошел к кровати и лег под свежие простыни, хотя и был уверен, что сон не придет. Ланден скривился, вспомнив кошмары, которые изводили его с самой смерти родителей. Брат успокаивал его, просил не плакать и гасил свечу перед уходом. В то время он искал не такого утешения, но оглядываясь назад, понимал, что, возможно, это приготовило его к безжалостному унынию и пустоте, которые теперь наполнили его дни.

Ланден сморгнул, прогоняя тяжкие воспоминания, и вынудил себя успокоиться. Тело постепенно расслабилось, а мысли вернулись к Амелии и его обещанию относительно завтрашнего дня.

Почему она не оказалась невыразительной, рано располневшей мышкой? Он и тогда сделал бы все, чтобы выдать ее замуж, но не напрягался бы так в ее присутствии, отзываясь на ее невероятную красоту.

Он умирал от желания дотронуться до ее волос. Эти непокорные локоны умоляли о его прикосновении, их шелковая пелена была настолько соблазнительна, что даже сейчас ему хотелось запустить в нее пальцы и притянуть к себе, пока эта грива не накроет голую кожу тонким черным покрывалом. А ее ноги, ее губы...

Его тело снова напряглось, и он выругался в темноту. Будь она кем-то другим, он преодолел бы крошечное расстояние между их ртами и завладел ее полными губами, чтобы изведать их вкус. Мед или лимон?

Сердце Ландена билось о ребра, и он потер ладонью лицо, словно желая стереть непрошенные образы. Проклятье, он слишком долго жил без женщины! Никакое другое объяснение не имеет смысла. Он дошел до такого состояния из-за того, что много лет жил в деревне.

Но если он не оставит эти мысли, о любом отдыхе не может быть и речи.

Сыпля ругательствами, не предназначенными ни для чьих ушей, кроме собственных, он вынудил себя закрыть глаза и решительно отсекал весь внешний мир.

– Сегодня ты в странном настроении, – заметила Шарлотта, разбрасывая крошки голубям, суетившимся у ее ног. – Обычно ты болтаешь без умолку. Что-то не так?

Амелия улыбнулась, прекрасно сознавая, что любая попытка скрыть свои эмоции будет бесплодной.

– Прости. Я все время молчу? Зато у меня много всего на уме. Я согласилась встретиться с тремя джентльменами, выбранными Мэтью и Скарсдейлом, поскольку надеюсь получить хоть какое-то право голоса в этом деле. Но никогда нельзя быть ни в чем уверенной.

– У тебя, по крайней мере, есть возможность встретиться с кандидатами заранее и принять их ухаживания. Хорошее начало приемлемого будущего.

– Полагаю, что так. Но что, если все трое окажутся скучными и невыносимыми? Что, если не разделят моих взглядов на жизнь или не посчитаются с моим мнением?

Амелия сунула руку в бумажный пакет и набрала горсть крошек. Высыпала слева от себя, медленно пропустив крошки сквозь пальцы, как песок времени. Несколько птиц поспешили за лучшими кусочками.

– Откуда в твоей голове такие глупости? Не стоит заранее волноваться! – пожурила Шарлотта, погладив подругу по руке. – Кроме того, у тебя уже есть план, да и решение будет за тобой.

Дамы замолчали, глядя на воркующих голубей, словно изучение птиц было каким-то необыкновенным переживанием. Наконец Амелия заговорила:

– Что же, я выполнила свою часть соглашения. Ты спрашивала лорда Диринга, согласен ли он отпустить тебя со мной в следующую субботу, когда я поеду навестить родителей?

Она отряхнула с юбок оставшиеся крошки и решительно взглянула на подругу.

– Лорд Диринг этого не одобряет, – едва слышно прошептала Шарлотта.

– Небо, да он к тому же тиран!

Амелия вскочила, распугав голубей, и стала бродить вдоль скамьи, игнорируя удивленный возглас подруги:

– Что дурного в том, если ты поедешь со мной в загородное поместье? С нами будут горничные, а для безопасности и фореиторы.

Окончательно разозлившись, она развернулась и подбоченилась. Мысок ботинка выбивал взволнованное стаккато на гравии.

– Нужно убедить его дать разрешение.

Шарлотта недовольно вздохнула:

– Возможно, я сумею снова спросить... через несколько месяцев. А вдруг он к тому времени передумает?

– Или тебе придется заставить его передумать.

Амелия сжала руку Шарлотты в ладонях и помогла ей подняться со скамьи. Настала пора возвращаться.

– О чем ты?

Шарлотта крепко стиснула запястье Амелии. Всегда чувствуешь себя лучше рядом с подругой, особенно, когда мир кажется невероятно мрачным местом.

– Пока не знаю, что именно, но что-нибудь я придумаю. Не могу вынести, когда ты несчастна, и обещаю, мы найдем способ все исправить.

Ланден приехал к заднему входу в Гайд-парк, располагавшемуся напротив Тайберн Гэллоуз, за четверть часа до назначенного времени. В скромной конюшне Мэтью он выбрал для Амелии самую смирную лошадь, белую кобылку с мягкими карими глазами, после чего привязал ее к экипажу рядом со своим жеребцом Хейдизом, черным как полночь, способным скакать быстрее ветра. Хейдиз был неподходящей лошадью для того, кто только учится ездить верхом, но идеальным конем для мужчины, желающего повернуть время вспять, – он давал ему полную волю и с головокружительной скоростью носился по заросшим травой полям Бекфорд-Холла.

Он остановил экипаж, отвязал лошадей, гадая, не совершил ли ужасную ошибку. Сапоги скрипели по гравийной дорожке, поросшей по обочинам черникой и папоротниками. Он снова привязал животных, на этот раз к дереву, вытащил из экипажа специальную подставку и понес ее к белой кобыле. Амелия будет прелестно выглядеть верхом.

Эта неожиданно пришедшая в голову мысль поразила его до глубины души. Ланден тряхнул головой и обратил взгляд на безбрежный луг с зеленеющей низкой травой и полевыми цветами: идеальная площадка для начинающей всадницы. Он был превосходным наездником и не сомневался, что сможет без труда научить Амелию ездить верхом, хотя не мог взять в толк, почему своенравная леди желала ездить по-мужски, когда все общество требовало, чтобы женщины пользовались дамским седлом. Он подозревал, что Амелия считала такое поведение мятежом на грани скандала, но не тратил время на размышления. Это было ее первым требованием, которое он легко удовлетворит. А это еще на шаг приблизит его к решению своих проблем и отъезду из города.

Он проверил оба седла и обдумал, как провести урок. Они начнут с основ: медленного шага, потом – более живая рысь и, наконец, не слишком быстрый галоп. Оставалось надеяться, что она не побоится большого животного. Лошади очень умны и обладают сильной интуицией. Кобыла ощутит ее неловкость, а любые страхи усложнят урок.

К концу дня Амелия почувствует себя в безопасности, зная, что он намерен сдержать обещание, и, следовательно, станет выполнять условия соглашения.

На его губах играла ухмылка. Эта леди возбудила его любопытство. Помимо кое-чего другого. Это было чем-то, сродни чуду. До сих пор в его душе не было других эмоций, кроме гнева и сожаления.

Но времени подумать об этом не осталось, поскольку к месту стоянки приблизился еще один экипаж и кучер натянул поводья. Амелия, несомненно, пустила в ход все свои чары, чтобы уговорить брата, в противном случае Ландену трудно было представить, какой ад он ей устроит за то, что они встретились здесь и провели урок. Самому Ландену Мэтью точно посоветует покинуть город. И даже присутствие компаньонки не будет иметь значения.

Пока он над этим размышлял, дверь экипажа со скрипом открылась. Когда вышла Амелия, его сердце пропустило удар.

– Что-то случилось?

Ее улыбка дрогнула, но она шагнула вперед. Он увидел сочувствие в блестящих зеленых глазах и глубоко вздохнул, отважно пытаясь взять себя в руки.

– Я не предполагал...

Язык никак не мог выговорить последние два слова.

– Эти бриджи...

Он снова обежал глазами ее фигуру. Огонь, голодный и пышущий жаром, зажегся в его венах и распространился по каждой клеточке тела, прежде чем достал до самого сердца.

Амелия, не сдержав улыбки, медленно покружилась.

«Дерзкая плутовка».

– А как, по-вашему, я должна ездить верхом? – спросила она знакомым издевательским тоном, словно считала его недоумком.

– Честно говоря, я вообще об этом не думал, – вспылив, солгал он.

Но по правде говоря, в голове не было иных мыслей, кроме как об Амелии и непростительном желании испытать на вкус ее губы. Поспешно отведя взгляд и

нахмурившись, он еще раз проверил седло кобылы. Его мозг в самом деле перестанет функционировать, если не избавиться от желания поцеловать ее пухлый восхитительный ротик. Пропавши все пропадом, его обуревают похоть!

– Итак, вы будете обучать меня верховой езде или нет?

При том, что его разум был так затуманен, просто чудо, что он сумел застегнуть сапоги!

– Конечно. Я человек слова, – заверил он и, откашлявшись, добавил: – При том условии, что вы выполните свою часть сделки и в конце всего этого дурачества найдете себе мужа.

Произнося эту фразу, он так пренебрежительно взмахнул рукой, что Амелия не выдержала:

– Необязательно постоянно напоминать мне об этом, словно я своевольный ребенок!

Он ожидал, что она топнет ногой.

– Мы заключили сделку, и я намерена сдержать слово, – прошипела она и, выдвинув вперед подбородок, издевательски усмехнулась, что только подчеркнуло прелестную пухлость нижней губки. Ланден прикусил внутреннюю сторону щеки и резко мотнул головой в сторону подставки.

Она поднялась по деревянным ступенькам, и в воздухе разлился легкий и нежный аромат жасмина. Ланден не мог оторвать взгляда от ее идеальных ягодич, оказавшихся на уровне его глаз. Его тело уже привычно напряглось, особенно в паху. Очевидно, урок доставит ему немало мучений.

Она нетерпеливо отступила в сторону, постучала мыском ботинка по дереву, и он заставил себя действовать.

– Могу только назвать себя полоумным за то, что позволил это.

«Зато с другой стороны, эта идея просто гениальна».

Бриджи из оленьей кожи никогда не выглядели более привлекательно, чем когда льнули к ее стройным икрам.

– Где вы их раздобыли?

Он скорее прорычал этот вопрос и, чтобы подчеркнуть свои слова, коснулся перчаткой ее бедра, хотя пальцы чесались пропутешествовать по каждому дюйму ее длинных ног.

– Один из конюхов бросил их на перегородке стойла. Он никогда их не хватится, – ответила Амелия с сияющей улыбкой. Ее зеленые глаза сверкали.

– Давайте начнем. Скажите, что мне делать.

«О, как бы я хотел услышать это в другой ситуации!»

– Поставьте ногу в стремя, а другую перекиньте через седло, – велел Ланден, крепко держа кобылу под уздцы, хотя Амелия и животное, похоже, ничего друг против друга не имели. Есть надежда, что она легко сядет в седло. Он просто не мог больше ни минуты смотреть на ее ягодицы.

– Вот так?

Амелия без усилий взлетела в седло, и он испытал гордость за нее.

«Проклятие, она просто восхитительна!»

– Похоже, у вас все получается, – похвалил он, мельком глянув на нее, после чего повернулся к своей лошади и молниеносно вскочил в седло, а затем подъехал к ней поближе.

– Предлагаю начать с медленного шага.

Он не был уверен, что она услышала его предложение, потому что кобыла поскакала по заросшему травой лугу. И да, его отвлек вид прелестных ягодиц Амелии, скользивших в чувственном ритме по кожаному седлу.

– Прежде всего, я бы хотел, чтобы вы...

– Н-н-но!

Ощувив энергичный удар в бока, кобыла ринулась вперед, и конец предложения потонул в топоте. Ланден последовал за ней, но Амелия застала его врасплох и ускакала далеко вперед. Он выругался, но ветер унес его слова. Мысли мелькали быстрее лошадиных копыт. Поле впереди, там, где темнела грабовая роща, сужалось. Он послал Хейдиза в галоп, полный решимости перехватить Амелию прежде, чем ее кобыла ворвется в рощу. Сердце колотилось от неприятного, хоть и знакомого напряжения, а грудь теснило от грустных, казалось, давно забытых воспоминаний. На лбу выступил пот. Знала ли она, что делает? Может, она испугалась?

Ландену показалось, что он услышал ее испуганный возглас. Но он не видел ее лица и не мог судить о реакции, тем более, что целиком сосредоточился на погоне.

Он низко наклонился над гривой жеребца, стараясь сократить расстояние между ним и Амелией. Губы его плотно сжались, волосы на затылке встали дыбом. Он почти догнал ее, несмотря на то, что деревья становились все ближе. В таком темпе ее лошадь не сможет пробежать сквозь заросли. И тогда обязательно сбросит Амелию.

Пульс Ландена барабанил в такт копытам Хейдиза. Он должен поймать ее.

«Мне нельзя сплеховать!»

Ланден вдавил каблуки в бока Хейдиза, и лошадь с головокружительной скоростью рванулась вперед. На какое-то мгновение он вернулся к той давней ночи, когда мчался сквозь тьму, словно за ним гнались все демоны ада, летел, обуреваемый страхом, надеясь, несмотря ни на что, настичь коня брата.

Сейчас же он снова ударил Хейдиза каблуками и почти догнал белую кобылу. Почти. Еще фут. Нужно лучше постараться и остановить ее.

Яростно выбросив вперед руку, он схватил поводья кобылы и сильно дернул. Ремни врезались в ладонь так, что обожгло кожу. Кобыла оглушительно заржала, но Ланден свесился с седла и успел остановить лошадей.

Его рык, заглушивший все остальные звуки, явно обескуражил Амелию. Выражение восторга на ее лице немедленно сменилось досадой.

– О чем вы думали?! – обрушился он на нее. – Лошадь почти вас не знает! Вы с ума сошли?

Лицо его словно окаменело в гневе. Очевидно, она и сама уже поняла, что поступила безрассудно, но Ланден все равно пронзил ее свирепым взглядом. Хейдиз фыркнул и принялся рыть копытом землю, словно разделяя возмущение хозяина.

Наконец, она осмелилась взглянуть ему в глаза. Висевшие на ресницах слезы ничего не значили. Подумать только, как легко лошадь могла ее сбросить!

«Как Дугласа. И она была бы мертва, как и мой брат, из-за собственной глупости и беспечности».

Сердцебиение сменилось ужасной болью, и гнев почти угас.

– Я безумец, если позволил такое.

Каждое слово пронзало воздух, как удар молнии. Он пробормотал проклятье и приказал себе успокоиться. Ланден выпустил поводья, мысленно умоляя свои пальцы прекратить предательски дрожать. Его взгляд обратился к линии деревьев, росших совсем близко, почти рядом. Он смотрел на них некоторое время, стараясь унять ярость.

– Я не хотела вас расстроить. Вы слишком за меня беспокоитесь.

Она дважды моргнула, в ее зеленых глазах переливались слезы.

– Я не расстроен. Я сердит, – прорычал он. Извинения Амелии почти не утихомирили его гнев. Помоги девице бог, если она вздумает противоречить

ему, хотя в ее голосе звучали вызывающие нотки. – Вы делаете все, что вам в голову взбредет.

– Я... я только... – Она помолчала, прежде чем продолжить: – Это было великолепно. Спасибо. Я еще в жизни не испытывала такого восторга. По сравнению с этим все прогулки, на которых приходится трустись в дамском седле, – ничто.

Ланден набрал в грудь воздуха и только сейчас заметил ее горделивую посадку. Она держалась величественно, как королева в присутствии двора. Блестящие черные локоны спутались во время погони. Щеки розовели румянцем, пухлые губы подсушил ветер. В глубине ее сверкающих глаз сияла гордость. И она с легкостью управляла кобылой.

И все же он не зря повел себя именно так. Только бывалый всадник может проскакать через густой подлесок.

Он с трудом сглотнул, не зная, как объяснить свое поведение.

– Мэтью получил бы огромное удовольствие, избив меня до полусмерти, знай он, что сейчас произошло. Нам придется положиться на молчание кучера и вашей компаньонки, – ответил он и оглянулся, но до начала тропы было чересчур далеко.

– Никто и словом не обмолвится, – улыбнулась Амелия, словно он преподнес ей дорогой подарок, и блаженный покой окутал его безутешную душу.

Щелкнув языком, он развернул Хейдиза, чтобы направиться обратно. Амелия последовала его примеру. Она действительно выглядела величественно на белой кобыле: настоящая герцогиня. Возможно, ему стоит включать в список женихов только достойных герцогов, хотя пока что никто в голову не приходил.

Амелия не знала, что сказать после своего извинения. Ланден казался взбешенным, а она никак не могла придумать остроумного ответа.

Пока лошади брели по полю, она украдкой взглянула в его сторону. Голова опущена, ветер развеивает волосы, густые и темные, как тайны, которые он хранил. В непокорных прядях словно запуталось солнце.

Она изучала его профиль: черты такие же чеканные и холодные, как у мраморной статуи, и лишённые всяких эмоций, если не считать гнева. Возможно, если бы он посмотрел в её сторону, она бы увидела в его глазах понимание, но с момента его взрыва он ни разу не взглянул на неё. Слова его были злыми, и все же, кроме этого, в них мелькнуло ещё что-то. Печаль? Раскаяние? Она не смогла понять.

Ланден неожиданно повернулся, и у неё перехватило дыхание. Глаза его потемнели при виде Амелии, но он не произнес ни слова. Было ли в его жизни счастье? Улыбается ли он хоть когда-нибудь?

Она поняла, что на самом деле его обуревают эмоции, которые он умело не выпускает наружу. Но неужели он не позволяет себе радости?

Амелия не могла представить себе жизни без довольства и покоя. Она вдруг вспомнила о браке Шарлотты и о том, как сильно её беспокоит положение подруги. Наверное, поэтому она и отказывается принести в жертву свое будущее, не желает перестать думать о собственном счастье. И все же это будущее зависело от решения мужчины, либо брата, либо Ландена, причем оба были совершенно лишены иллюзий в том, что касалось любви.

Когда Ланден, наконец, заговорил, его бархатный голос вызвал в ней такой же восторг, как и бешеная скачка по полю.

– Я отмечу для себя, что первое требование из вашего списка выполнено.

Амелия облегченно вздохнула. В его спокойном тоне не было резкости.

– Независимо от того, каким опасным было предприятие.

Различив шутливую нотку, Амелия искренне улыбнулась.

– Спасибо, – ответила она с чувством, которое старалась скрыть. – Вы дали мне нечто такое, чего не позволил бы никто другой.

Он смотрел на нее еще секунду, после чего вновь уставился на тропу. Они почти вернулись к началу.

– Я начну составлять список поклонников.

Это прозвучало, как своеобразное объявление.

Амелия вскинула голову. Кобыла заржала и отступила в сторону.

– Только когда будут удовлетворены все три просьбы. Таково наше соглашение.

– Конечно. Я не хотел бы расстроить леди. Мэтью предупредил меня, что это может оказаться опасным.

Его веселый тон успокоил ее, и Амелия ответила широкой улыбкой.

– Я никогда не хотела сбить с ног лорда Райли и уж точно не намеревалась лишиться его чувств, – призналась она и поскорее отвернулась, прежде чем он увидел ее ухмылку. – Человек поумнее отошел бы от двери. Кроме того, я уверена, что мой брат исказил истину.

Она снова взглянула ему в глаза, и тень улыбки прошла по его лицу, хотя он ничего не ответил. Когда лошади подъехали к ожидавшим экипажам, Ланден и Амелия вежливо распрощались.

Хотя беседа была дружеской, Амелия, сидя в экипаже по пути домой, не могла забыть гнев Ландена и почти безумный, испуганный блеск его глаз, когда он наклонился, чтобы перехватить поводья кобылы. Это пугало, интриговало и, главное, заставило сердце болеть от невысказанных вопросов и странного желания узнать мрачные тайны, терзавшие его душу.

Радуюсь, что не встретила ни единого слугу, Амелия умылась, переоделась в дневное платье, после чего поспешила в вестибюль, расспросить Спенсера, где находятся домашние. Она узнала, что Мэтью по-прежнему нет, и заподозрила, что Ланден еще не вернулся. Только тогда она вспомнила о Пандоре и начала поиски. Первым делом Амелия заглянула в гостиную. Утреннее происшествие не давало покоя. Мысли метались, словно бабочки в сачке. Хотелось одного: устроиться в своем уютном уголке.

Но она не увидела Пандоры, свернувшейся в клубочек на ящике для угля рядом с каминной решеткой, на ее любимом месте. В столовой и утренней гостиной кошки тоже не оказалось. Как и в коридоре, на широком подоконнике. Озадаченная Амелия поспешила наверх, в кабинет Мэтью. Ей не давали покоя угрозы брата избавить дом от ее любимицы. С каждой минутой тревога росла.

В комнате ничего не изменилось. Темные деревянные панели, дух аристократизма, атмосфера власти: все словно рисовало портрет человека, которым хотел выглядеть брат. Амелия наугад открыла чулан у дальней стены. Там были только груда ящиков в глубине и старая метла. Пандоры не было. Амелия подобралась к незаконченному пазлу, рассеянно оглядела его и, не выбирая, сунула в карман юбки несколько кусочков, только затем, чтобы насолить брату, после чего развернулась и продолжила поиски.

Наверно, стоило бы отправиться на кухню, но желающая прежде разыскать кошку Амелия зашагала по короткому коридору, где было только три комнаты. В одной пока что жил гость. Вряд ли кошка выбрала бы какую-то из пустых комнат, холодных и необитаемых, зато вполне возможно, она найдется в спальне Ландена. Пандора вполне могла пробраться туда, когда горничная меняла белье или приносила свежую воду.

Остановившись перед дверью, Амелия наскоро оглядела коридор. Может, стоит постучать? По логике, Ланден не мог вернуться незаметно для нее. В Гайд-парке она смотрела в окно экипажа, пока Ланден не исчез из вида, и все это время он держал Хейдиза в поводу. Кроме того, она справилась у Спенсера, не приехал ли он.

Она немного колебалась, но все же повернула латунную дверную ручку и вошла, хотя каждый нерв протестующе вопил: заглядывать в комнату гостя, а тем

более холостяка, означало попирать все правила этикета.

Амелия нетерпеливо вздохнула. Вечно она попадает в неловкое положение из-за Пандоры!

Она тихо позвала кошку, но та не появилась. Любопытство взяло верх, и всякая нерешительность исчезла. Амелия сделала несколько шагов по деревянному полу. Спальня казалась безупречно чистой. Она знала, что Ланден не собирается оставаться надолго, но комната выглядела так, словно в ней никто не жил. Все на своих местах, почти не видно личных вещей. У изножья кровати в ожидании хозяина стояла пара кожаных сапог. В углу ждал своего часа запертый саквояж.

Она сделала еще шаг и глубоко вздохнула, наполняя легкие ароматом дерзкого приключения. До Амелии донеслись интригующие запахи кедра и бергамота вместе с чисто мужским интимным запахом. Ноги каким-то образом донесли ее до гардероба, где на белом льняном полотенце лежали бритвенный прибор и щетка. Рядом с чашкой валялся кусочек мыла. Амелия подняла его и потерла о тыльную сторону ладони. Прилив теплого удовольствия захлестнул ее, особенно когда она ощутила древесный запах. Она поспешно положила мыло на место, слегка погладив его кончиками пальцев.

Напрочь забыв о Пандоре, она оглядела массивную гостевую кровать. Собранный в складку полотняный балдахин покоился на четырех столбиках красного дерева.

«Здесь спал Ланден».

Полный секретов мужчина, который взял ее на прогулку верхом. А потом насильно спас, решив, что ей грозит опасность. Одно то, что он здесь ночевал, делало комнату ошеломляюще притягательной и таинственной. И все же его глубочайшие эмоции были заперты так же накрепко, как саквояж. В этой комнате не нашлось разгадок. Ланден по-прежнему оставался для нее темной лошадкой.

Перед ней возвышалась кровать. Простыни были едва измяты. Только небольшая ямка свидетельствовала о том, что его голова вообще покоилась на подушке. Заменяли ли горничные белье?

Амелия боролась с паникой и трепетавшим в груди предвкушением, но все же подобралась ближе. Любопытство вело ее на коротком поводке.

Когда-нибудь, довольно скоро, ее ждет первая брачная ночь. Она ляжет в постель с мужчиной. А что будет дальше? Она не знала. О, она понимала суть близости между мужем и женой, знала анатомию людей разных полов, потому что очень давно стащила соответствующий том из кабинета Мэтью. И хотя она считалась невинной девушкой, ее все же целовали и обнимали – правда, очень редко. Но у Амелии совершенно не было опыта плотских наслаждений и запретных ощущений, о которых шептались женщины, полагавшие, что их никто не подслушивает. Хотя, судя по сплетням, и мужчина, и женщина испытывали наслаждение, все же подробностей она не знала.

К ее некоторому разочарованию Шарлотта и словом не обмолвилась об интимной жизни с лордом Дирингом. Амелия считала, что спрашивать о таком не стоит, но все же не возражала бы против вовремя сделанного дорогой подругой замечания относительно того, был ли опыт таким уж сладостным, как уверяли слухи. Тогда ей, по крайней мере, стало бы легче. Мысль о том, что она ляжет в брачную постель беззащитной, лишенной не только одежды, но и последней капли уверенности, только укрепляла в Амелии мятежные настроения.

Она закончила бродить по комнате, ведомая чем-то большим, чем интерес к плотским удовольствиям и ненасытное любопытство. С одной стороны, ей очень хотелось знать подробности интимных отношений между женщиной и мужчиной. С другой, она боялась стать уязвимой и потерять контроль, если отдастся страсти. В этом и был парадокс. А страсть, хотя Амелия никогда не пробовала этого запретного плода, была так же жива в ней, как кровь в жилах. Ее не заставят выйти за мужчину, который не коснется ее сердца. Как бы он ни жаждал коснуться ее тела.

Амелия улыбнулась простыням на кровати Ландена и выбросила из головы невеселые размышления. Стоило откинуть упавшую на щеку непокорную прядь, как пьянящий аромат кедра на тыльной стороне ладони укрепил ее дерзкую решимость. Дрожащими пальцами она погладила ладонью постель и прежде чем успела передумать, легла на матрац, головой на подушку, стараясь не испачкать ботинками покрывало.

Господи боже, она сошла с ума. Что скажет Ланден, если войдет в дверь и найдет ее растянувшейся на его постели? Разозлится так же сильно, как днем,

или рассмеется, потому что видение сестры друга в его постели сотрет его угрюмость?

«Или я стану еще одной его тайной?»

Этот вопрос манил запретной интимностью, от которой низ ее живота сжался. Внезапно Амелию пронзило наслаждение, оно осело теплом между ног, и она, потрясенно охнув, сжала ноги, словно для того, чтобы поймать и удержать интригующее ощущение, хотя оно по-прежнему ее озадачивало. Потом девушка повернула голову и коснулась щекой подушки. На какой-то момент ее глаза закрылись.

Матрац был такой же мягкий, как у нее на кровати, но сознание того, что Ланден лежал на нем, делало ее поступок решительно неприличным. Она улыбнулась, довольная открытием, и устроилась поудобнее на мягкой пуховой подушке.

Шум на подъездной аллее, как раз под окном, привлек внимание Амелии. Она вскочила с кровати, дважды проверила, осталось ли все в том же порядке, в каком было до ее появления, и неверными шагами подкралась к двери, чуть приоткрыла ее и выскользнула в коридор. К счастью, там никого не было, и она удрала, благодаря богу, что никто не поймал ее на совершенно немыслимом для юной леди поступке.

Ланден вел Хейдиза по Даунинг-стрит и через Белгрейв-сквер. Вдали рокотал гром, а вскоре из разверзшихся туч заморосил дождь, что вполне соответствовало настроению Ландена. После урока, данного Амелии, он отослал экипаж в конюшню, а сам направился в убогую таверну на окраине города.

«Раненый волк» был опасным злачным местом, посетители которого, как трезвые, так и пьяные, вряд ли его узнают. Устроившись в темном углу, он купил бутылку спиртного и стал обдумывать планы на вечер. Теперь, под покровом ночи, приближаясь к старому городскому дому, он гадал, было ли принятое решение мудрым. Нужен ли ему этот взгляд в прошлое?

Здесь очень мало что осталось прежним. Во многих отношениях Лондон изменился так же сильно, как и он сам. Все же чувства, наполнявшие Ландена, оставались неизменными: сожаление, безнадежность и сознание вины. Они

всегда его преследовали.

Он никогда не хотел получить титул, что делало происходившее еще более расстраивающим, поскольку люди предполагали, что он так страстно жаждал стать герцогом, что организовал гибель брата. В присутствии Ландена никогда не произносили слова «убийство», но он отлично знал сплетни и шепотки, обвинявшие его в гнусном деянии. К тому же каждый сплетник давал волю воображению, и вся история приобретала все более зловещий оттенок. Ничто не набирает силы быстрее, чем пикантный секрет, рассказанный в комнате, полной любопытных глупцов.

День смерти брата стал худшим в его жизни. Как смеет Лондон предполагать, что он обрадовался боли, хотя, по правде говоря, его безутешность стала результатом гибельной недалёковидности.

Ланден сунул руку в карман и коснулся мешочка с часами брата.

«Будь у меня силы повернуть время вспять...»

Фонарщик бросил любопытный взгляд в сторону Ландена, ведущего Хейдиза по Оксфорд-стрит. Ланден резко кивнул в ответ. Он надеялся, что дом его детства покажется ему знакомым, и все же, по мере приближения, его все больше сковывала неловкость. Ему казалось верным решением прийти сюда в день, уже омраченный сожалением. Но он не был готов к волне эмоций, ударившей в грудь при виде трехэтажного особняка чуть дальше по улице. Света в окнах не было. Улица была так же тиха и темна, как в его памяти, и только сердце колотилось, напоминая, что это не сон. Нет, та ночь высечена в его воспоминаниях, как надпись на надгробье брата, глубокая и вечная.

В последний раз посмотрев на дом, чтобы впитать каждую деталь, Ланден послал Хейдиза в галоп и помчался по ближайшему переулку.

Ланден вернулся в свои комнаты на Кливленд-Роу почти час спустя. Прежде чем бесшумно войти в дом, он обиходил жеребца и немного собрался с мыслями. Он очень устал и, оказавшись в своей комнате, принялся раздеваться, словно слой за слоем сбрасывал накопившиеся ощущения этого дня. Оставшись в одном белье, он растянулся на матрасе, положил голову на подушку, растер лицо ладонями и закрыл глаза, совершенно истощенный.

Образ Амелии, ее длинных ног, затянутых в тугие лосины из оленьей кожи, горел в мозгу, словно дразня его тело. Он громко застонал. Неужели ему никогда не найти покоя? Неужели он просто не может заснуть? Что такое с ним творится, черт возьми? Самый гнусный вид предательства – возжелеть сестру лучшего друга. Представлять, как она оседлает его, как грива темных локонов разметаётся по ее голым плечам. Как откинется ее голова, когда она будет объезжать его, пока оба не найдут наслаждение.

Амелия, вне всякого сомнения, прекрасна, но что-то в ней, неосязаемое и неуловимое, подстегивало чувства, вызывало желание, словно она проникала под его кожу и прокрадывалась в душу. Один взгляд на нее – и защитная стена, тщательно возведенная за годы уединения, угрожала треснуть, наклониться и рассыпаться в прах.

Ланден заворочался на подушке. Даже сейчас он ощущал аромат Амелии, чувствовал запах жасмина, слышал ее звонкий смех и видел сочные губы.

Его плоть затвердела, требуя вернуться к обольстительным мыслям. Фантазий будет достаточно. Фантазий и тайн. Всегда тайны.

Он снова застонал, скорее от муки, чем от удовольствия, и перевернулся на спину, отчаянно желая найти облегчение.

Уиттингем поднялся на ступеньки, ведущие к дому, адрес которого был нацарапан на зажатом в кулаке клочке бумаги. Другой рукой он крепко держался за трость, потому что лестница была необычайно крутой, и взбираться вверх с его хромотой и при ужасной погоде было нелегко. Непрерывно моросил дождь, нога ныла от сырости, а следствием всех этих неприятных обстоятельств стало раздражение. Все же он был рад возможности участвовать в заранее оговоренной встрече, хотя место изменили в последнюю минуту, и теперь он боялся опоздать. Гордость вместе с пунктуальностью не давали ему покоя. Он досадливо хмыкнул. Мэтью не желал произвести дурное впечатление, особенно потому, что приближались выборы. Он добивался выдвижения в кандидаты, и его цель была почти достигнута.

Общество утонченных интеллектуалов пользовалось особым уважением среди наиболее элитарных академических объединений в столице. Мэтью был его членом почти десять лет, поднявшись от новичка до почитаемого жертвователя. После предстоящих выборов он был намерен стать одним из членов совета, несмотря на провал всех прошлых его попыток. Эта возможность никогда не была более осуществимой, поскольку уходящий на покой председатель Коллинз был также и его другом. Мэтью надеялся получить всяческую поддержку от этого джентльмена.

Он с трудом преодолел последние несколько ступенек и вошел в тихий вестибюль, где уже стоял дворецкий, готовый взять у гостя промокшее пальто и шляпу. Мэтью пожалел, что не может предложить ему и сапоги, которые очень хотелось снять – тяжкая борьба с лестницей обернулась промокшей до чулок подошвой. Вместо этого он поспешил войти в гостиную.

– Вы вовремя, Уиттингем. Я уже начал сомневаться, что вы придете.

Лорд Уинтроп протянул руку для сердечного рукопожатия. Джентльмены, собравшиеся небольшими группами, тихо беседовали. Некоторые разговоры были оживленнее остальных, и Мэтью громко выдохнул, радуясь, что пришел до начала собрания.

– Я только недавно узнал, где будет проходить собрание. Получил сообщение буквально несколько минут назад, иначе просто пропустил бы его. Но сейчас я здесь. Почему вы так поспешно назначили собрание? И почему в последний момент изменили место встречи?

Собеседник отошел в более укромный угол, рядом с книжными шкафами, хотя Мэтью очень хотелось сесть. Нога пульсировала болью после утомительного восхождения по скользким мраморным ступенькам. Он поморщился, но все же оглядел комнату, пытаясь оценить ситуацию. И ему необходимо найти свободный стул.

– Это необычная история, которая должна помочь вашим усилиям, друг мой.

Чувствуя, что Мэтью не по себе, Уинтроп похлопал его по руке и направился к двум мягким креслам у камина, с которых только что встали другие гости.

– Насколько я понял, Коллинзу пришлось претерпеть крайне неприятный оборот событий. Его брат и невестка, жившие в Манчестере, пострадали в трагическом инциденте.

– Какой ужас! Бедный Коллинз.

Мэтью устроился в кресле и протянул ногу к огню в надежде, что тепло успокоит непрерывную пульсирующую боль, и события сегодняшнего вечера не нанесут ему значительного ущерба.

– Я обязательно выражу ему свои соболезнования.

– Это еще не все.

Уинтроп наклонился к нему, словно делясь важным секретом, хотя Мэтью заподозрил, что вся комната шепотом обсуждала несчастья Коллинза.

– Согласно завещанию брата, Коллинз назначается опекуном его шестерых детей. У него нет жены и желания жениться, но все мы знаем его любовь к деньгам. В завещании указано, что Коллинз унаследует почти все семейное состояние, но дети должны оставаться в Манчестере, расти в их поместье, продолжать обучение и так далее.

Уинтроп взмахнул рукой, словно желая объяснить все, что не высказал вслух:

– Он собирается вернуться в общество, как только дела будут улажены, и переедет в Манчестер. Он не так расстроен этой мыслью, как был бы я на его месте, и намерен немедленно начать поиски жены. Деньги обеспечат помощь слуг и наставников. Но Коллинз не настолько храбр, чтобы пуститься в такое предприятие без женщины рядом. Младшие дети нуждаются в материнской заботе. Особенно после их трагической потери.

На языке Мэтью вертелось несколько ответов. Он в самом деле сочувствовал Коллинзу, но не было смысла отрицать, что эти события позволили ему получить счастливое преимущество над другими членами общества. Всеми фибрами своей души он желал стать одним из председателей. И нынешняя ситуация была единственной возможностью легко достичь цели. Все, что для этого

требовалось, – убедить Коллинза оказать ему всяческую поддержку, а учитывая его необходимость срочно покинуть Лондон, это вряд ли будет так уж трудно. Если нужно, Мэтью всячески поможет Коллинзу с переездом. Возможно, он даже сумеет найти другу жену.

Неожиданная улыбка тронула губы Мэтью. Похоже, последнее время помощь на брачном рынке становится популярной темой.

– Это очень хорошие новости, Уинтроп. Если не считать гибели родных Коллинза, конечно, – заметил Мэтью, четко выговаривая каждое слово. – Тем не менее, я должен заняться своим делом до начала собрания.

Он оглядел комнату, но времени уже не осталось. По гостиной пронесся стук молотка о дерево. Собрание началось. Усевшись на один из стульев, стоявших за длинным столом, Мэтью заметил, что нога больше не ноет, а настроение настолько улучшилось, что он даже не жаловался на промокшие сапоги.

Глава 7

– Поспешите, Мари, – велела Амелия, бодро шагая по тротуару. На этот раз ей не нравилось, что горничная едва перебирает ногами. Мари постаралась сократить расстояние между собой и хозяйкой.

Прошлой ночью уставшая от пережитого Амелия заснула, едва коснувшись головой подушки, а проснулась, все еще вспоминая приятные сны и вдыхая аромат кедра и бергамота – там, где ее ладонь касалась щеки.

Она встретила Шарлотту у двери, и обе леди чинно зашагали по тротуару, хотя Амелии настолько не терпелось поведать подруге обо всем, что она приступила к разговору немедленно, без привычных предварительных реверансов:

– О господи! Мне нужно столько тебе рассказать!

Амелия повернула лицо к подруге и прижала ее локоть к себе. Шарлотта глянула на нее, явно сгорая от любопытства:

– Пожалуйста, не заставляй меня ждать.

– Я даже не знаю, с чего начать, – пробормотала Амелия, но слова тут же полились бурным потоком: – Вчера днем Ланден взял меня на верховую прогулку. В мужском седле. Я никогда не ощущала себя более живой!

– Ты зовешь его по имени?

Встревоженный тон Шарлотты мгновенно охладил ее энтузиазм, хотя Амелия отказалась от возможности следовать строгим правилам, установленным Ланденом, приказавшим, чтобы Шарлотта и он обращались друг к другу только с употреблением титулов. Она не хотела омрачать разговор с подругой и потому пояснила:

– Тут нет ничего неприличного. Я знаю его с детства. Иногда Мэтью приглашал его в Лейквью. Это кажется вполне естественным. Кроме того, сейчас не время заботиться о деталях.

Они уселись на скамье под деревьями, и Амелия взволнованно продолжила:

– Такое волшебство – скакать по полю, ощущая силу лошади под седлом. Ничего похожего на то, что испытываешь в дамском седле. Легко понять, почему мужчины предпочитают держать женщин в этом громоздком устройстве. Если бы каждой женщине позволили испытать свободу езды верхом, нам никогда бы не пришлось слышать ужасающие истории о дамах, пойманных в капкан брака без возможности сбежать.

Она закончила на высокой ноте и кокетливо склонила голову, довольная своей пылкой речью.

– Хотелось бы мне иметь хоть крохи твоей отваги. Ты сказала, что намерена выполнить все пункты списка, и тебе это удастся. Горжусь тобой. Если бы только я могла испытать подобную радость!

Шарлотта продолжала улыбаться, хотя ее слова не соответствовали выражению лица.

– О, но ты можешь! Я тебя научу. Ланден почти ничего не сделал, если не считать того, что выбрал подходящую лошадь. Верно, что я испугала ее, когда пустила в галоп, но я много лет наблюдала, как скачут джентльмены, и изучила их повадки. В езде верхом нет ничего сложного. Если в субботу поедешь со мной в поместье, я все тебе покажу – и никто ничего не узнает, – заверила Амелия, сжимая руки подруги. – Ты попыталась еще раз спросить лорда Диринга?

Тень досады мелькнула в глазах Шарлотты. Она поспешно опустила взгляд на их сцепленные руки.

– Боюсь, ничего не изменилось.

Подруги замолчали. Но у Амелии было слишком много мнений на этот счет, чтобы надолго прикусить язык.

– Умоляю тебя попробовать еще раз. Сегодня среда, а я собираюсь уехать в субботу, еще до полудня. У нас еще есть время убедить лорда Диринга, что поездка в деревню обрадует тебя, а кроме того, ты просто обязана выразить наилучшие пожелания моему больному отцу. Я видела, как муж смотрит на тебя, и верю, что его можно урезонить, иначе все будет потеряно. Как можно запретить доброе дело?

– Он никогда не думает о доброте, – вздохнула Шарлотта. – Боюсь, что не могу снова затронуть эту тему. Диринг считает, что ты вбиваешь мне в голову неприличные мысли, сначала предложив взять кошку, а теперь – эту поездку.

– Абсолютный бред. Ты знаешь, что это вздор! – Амелия выпустила руки подруги и встала так резко, что взметнулись юбки. – Мы думаем одинаково. Я всего лишь уговариваю тебя озвучить эти мысли. Лорд Диринг показал себя чрезвычайно упрямым человеком. Как, по-твоему, может, мне поговорить с ним напрямую? Объяснить, как я наслаждаюсь твоим обществом и как радушно тебя встретят в нашем поместье?

– Боже, нет! – Шарлотта так резко вскочила, что Амелия в тревоге попятилась. – Это ужасная идея!

– Хорошо.

Спеша сменить тему, чтобы успокоить подругу, Амелия заговорила о том, что постоянно было у нее на уме:

– Ланден необыкновенно красив, несмотря на то, что никогда не улыбается. Вчера я изучала его лицо, когда он не знал, что на него смотрят.

Закрыв глаза, она представила его угрюмую гримасу. При таких привлекательных чертах он наверняка способен на очаровательную улыбку. На что придется пойти, чтобы его лицо просветлело?

Открыв глаза, она увидела, что Шарлотта смотрит на нее озадаченно. Было необходимо немедленно внести ясность.

– Он возбуждает во мне любопытство. Все, касающееся его бегства из Лондона, окутано тайной, а теперь он вернулся, готовый сделать моему брату одолжение и выполнить все требования из моего списка. Крайне любопытно. Он кажется очень сговорчивым, и все же его словно подстегивает еще что-то. Эта завораживающая, интригующая тайна окружает все его поступки.

– Осмелюсь сказать, что твой брат выдаст тебя замуж за уличного торговца на углу, если узнает, что ты ездила верхом в компании Скарсдейла. Это была невероятно скандальная затея. И нужно заметить, что ни одна порядочная леди никуда не отправится с холостяком, да еще в отсутствие настоящей компаньонки. Ты нарушила все правила.

Амелия попыталась сдержать смех:

– Я взяла с собой Мари.

Шарлотта закатила глаза, но Амелия проигнорировала неодобрительную гримаску подруги.

– Правила для того и созданы, чтобы их нарушать, – усмехнулась она. – Я не сделала ничего плохого, если только не анализировать мои поступки в соответствии с замшелыми законами общества. Диктаты света поистине смехотворны, и твое замужество – ярчайший тому пример. Будь у тебя возможность, сама бы выбрала мужа и добилась бы финансового благополучия

родных в браке, основанном на любви, а не расчете. Но поскольку общество не позволило тебе узнать о грядущем обнищании семьи, тебя выдали замуж без всякой подготовки и предупреждения.

– Да, хотя могло быть хуже. – Шарлотта посмотрела куда-то поверх фонтана в центре парка. – Мне не стоит жаловаться.

Амелия успокаивающе сжала плечо Шарлотты.

– Стоит. Пожалуйста, знай, что ты всегда можешь поговорить со мной. – Она придвинулась ближе и искоса взглянула на горничных: – Поверь, я не оставляю тебя в таком положении. Мы поможем лорду Дирингу узнать, какое ты сокровище. Я должна хорошенько поразмыслить.

Амелия отступила и задумчиво постучала пальцем по губам.

– Сколько тебе удалось сэкономить денег, выданных мужем на булавки?

– Боюсь, у меня ничего нет. Лорд Диринг весьма прижимист и часто напоминает мне, что принял на себя огромное финансовое бремя, когда улаживал долги отца.

Амелия подавила раздраженный вздох.

– Подожди. Должно же быть решение. Мы просто пока что его не нашли. Пусть любовь необязательно должна присутствовать в вашем браке. Но взаимная симпатия может родиться, если дать ей возможность.

Подруги замолчали. Где-то в ветвях запел козодой. Амелия не знала, что еще сказать.

Но тут Шарлотта повернулась к ней. Мягкие карие глаза лукаво блеснули:

– Какой он? Я имею в виду Скарсдейла.

Задумчивая улыбка расцвела на лице Амелии.

– Он очень красив, почти порочно красив, и когда говорит со мной, меня охватывает незнакомое, но приятное волнение. Должно быть, я просто нервничаю.

Учитывая потрясение Шарлотты при упоминании о том, что они с герцогом зовут друг друга по именам, Амелия посчитала, что лучше не упоминать, как она лежала на кровати Ландена вчера вечером, хотя мысль об исповеди вызвала дрожь возбуждения, прошедшую по всему телу. Но она не могла сдержать таинственной улыбки.

– Амелия, ты никогда не нервничаешь.

Шарлотта ничего не сказала об улыбке.

– Полагаю, всему виной эта болтовня о замужестве. Жаль, что брат так упорно старается найти мне жениха. Думаю, я смогла бы найти счастье в качестве независимой женщины, пока не встречу мужчину, который пообещает мне прекрасное будущее. Я хочу влюбиться, а не быть предметом сделки. Возможно, попытаюсь убедить в этом отца, когда поеду к нему в субботу.

Шарлотта только головой покачала:

– Как насчет семьи и детей? Ты всегда говорила мне, что хочешь быть окружена малышами.

– Да. Это правда. Но опасаясь, что это скользкая тема. Запомни мои слова: я не выйду замуж без любви.

Ланден спешил и отдал поводья лакею, стоявшему у дома Добсонов. Джон Кендалл, граф Добсон, был честным человеком, хорошим знакомым в прошлом и практически единственной надеждой Ландена в настоящем. Более того, Добсон был охотником и знал, как обращаться с оружием.

Ланден вручил визитку дворецкому, недовольный тем, что обстоятельства вынуждают его объявить о своем присутствии. У него не было пистолета, который срочно понадобился сейчас. Так что лучше всего позаимствовать

проклятую штуку и покончить с этим. Покупка оружия породит нежелательные домыслы, не говоря уже о том, что его неожиданное появление в оружейной лавке побудит всех сплетников вспомнить скорбную тайну, которую он десять лет старался похоронить.

И да, он попросит Добсона о молчании, если это вообще возможно. Но он помнил графа как человека, достойного доверия и не замешанного ни в какие скандалы. Но дни, последовавшие за гибелью брата, слились для Ландена в нечто неразличимое, и он не мог вспомнить, кто именно поверил его объяснению, а кто стал подозревать его в убийстве Дугласа. Переход титула к возможному наследнику был омрачен слухами и сомнениями. Ландена заклеили званием завистника, интригана, бесчестно занявшего место старшего брата. Ошибочное описание картины преступления вместе с его скорбью, обязанностями по организации похорон и традиционными визитами соболезнующих, а также неотступное чувство вины, росшее с каждым вздохом, превратили жизнь Ландена в выживание, пока он, наконец, не уехал из города навсегда.

Волна отчаяния накрыла его с головой.

Не будь он связан словом, данным Амелии, не приехал бы к Добсону. Дерзкая плутовка необъяснимо раздражала его – и все же веселила, каким-то образом высекала крошечные искорки света в его привычно темном существовании. Она была сплошным противоречием: длинные ноги, вспыльчивость, невероятная красота и нрав фурии. Прелестный хаос.

Мужчина, который согласится обуздать ее ехидный язык, будет самым большим в Англии глупцом, и Ланден постарается найти этого глупца и выполнить свое обещание. Тогда он сможет отправиться в путь.

– Лорд Добсон сейчас вас примет.

Дворецкий, мужчина средних лет, смотрел на Ландена без особого интереса. Возможно, воображение Скарсдейла слишком разыгралось, и никому нет дела до его возвращения.

Сомнительно.

Ланден последовал за слугой и вошел в мрачную гостиную, украшенную развешанными по стенам головами диких животных всех размеров. Похоже, Добсон уже успел обогатить здешнего чучельника. Заинтригованный, Ланден обошел комнату, рассматривая разные личины смерти, от медведя до большого пятнистого кота. Он как раз изучал последнего, когда вошел граф.

– Прекрасный образчик рыси. Редко встречается. В некоторых культурах это животное считается мистическим.

Добсон с полуулыбкой узнавания протянул руку.

– Почти такое же редкое, как ваши визиты, Скарсдейл. Как поживаете?

– Довольно неплохо.

Они обменялись рукопожатием. Ланден пришел просить об одолжении, но не собирался делиться деталями своего прошлого.

– Рад, что пожелали видеть меня. Полагаю, моя визитка застала вас врасплох.

– Любопытно стоящий чего-то охотник готов к самым неожиданным ситуациям. – Он пристально взглянул в лицо Ландена и кивнул: – Хотя я не думал увидеть вас когда-нибудь. По крайней мере, не в этом городе.

– Я предполагал то же самое. Тем не менее обстоятельства привели меня сюда.

– Бренди? Виски? Что будете пить?

Добсон подошел к шкафчику со спиртным, стоящим за чучелом газели.

– У меня лучшее виски, привезенное из Шотландии, где закон предпочитает смотреть в другую сторону. Вы нигде не попробуете столь превосходного напитка.

– Нет, спасибо. Я очень ценю ваше желание увидеться со мной, но пришел просить об одолжении и не собираюсь попусту отнимать у вас время.

– Не возражаете, если выпью я?

Добсон сунул руку в карман и снял с кольца для ключей маленький ключик. Открыл шкаф и налил в бокал янтарной жидкости, прежде чем подойти к мягким креслам перед рядом окон.

– Весьма интригующе видеть вас после стольких лет. Вы, кажется, совсем не изменились.

«Внешне, возможно. Но уж точно не внутренне».

– Должно быть, сельский воздух действует положительно.

Ланден уселся удобнее, и мешочек в кармане протестующе уперся в бедро. Ланден выпрямился и перешел к цели визита:

– Мне необходимо позаимствовать у вас пистолет.

Прежде чем Добсон успел ответить, Ланден продолжил, не желая давать ему возможность копаться в его прошлом:

– Странная просьба, понимаю, но друг попросил меня научить его стрелять, и я глупо согласился. Теперь я связан словом. Но у меня нет оружия. Я подумал, что лучше посетить вас, чем ехать в город и возбудить неприятные сплетни о том, зачем мне мог понадобиться пистолет.

– Понимаю.

Добсон сделал большой глоток.

– Вы пришли по адресу. У меня большая коллекция оружия, но полагаю, вам для вашей цели действительно нужен именно пистолет. Мы сможем попрактиковаться во дворе. Там предостаточно места, так что у меня есть возможность оттачивать мастерство перед поездкой за границу.

Он встал и подошел к стеклянным дверям, ведущим к заднему двору.

– Сегодня идеальный день для стрельбы по мишеням, ясный и малооблачный. Можно начать прямо сейчас.

Немного растерявшись от такого энтузиазма, Ланден поднялся и последовал за Добсоном на покрытую плитами аспидного сланца террасу. То, что Добсон немедленно согласился и не беспокоил его расспросами, требуя подробностей, стало невероятным облегчением. Он жалел лишь о том, что граф осушил полный бокал виски, прежде чем приказать дворецкому принести два пистолета.

Верный своему слову, Добсон провел почти все утро, наставляя его в тонкостях стрельбы из кремниевого пистолета. Ланден был уверен в своей способности обучить этому Амелию. Непонятно, почему своевольная девчонка пожелала усвоить столь возмутительное умение. Возможно, всему причиной ее мятежная натура, искавшая острых впечатлений любой ценой. Несомненно, Амелия была непохожа на других женщин. Ланден никак не мог решить, было ли это преимуществом или недостатком.

– Пока что хватит. Вы сумели десяток раз попасть в центр мишени. Я бы сказал, вы природный стрелок, но...

Он осекся, хотя Ланден уже понял, куда он клонил. Пришлось поспешно взять себя в руки и спокойно ответить:

– Мой брат погиб, сломав шею, когда его сбросила лошадь.

Быстро повернувшись, он выстрелил в последний раз. В самое яблочко. И пытаясь не встретиться взглядом с Добсоном, стал собирать боеприпасы и тряпочку для чистки оружия.

– Я никогда не верил слухам, – объявил Добсон, укладывая пистолет в ящик. – Так что остальное неважно.

Последовала короткая пауза, в течение которой джентльмены укладывали боеприпасы.

– В четверг я отправляюсь в Африку. В Гану. Приглашаю вас пользоваться тиром, чтобы обучить вашего товарища. Мой дворецкий снабдит вас новыми мишенями

и порохом, а также принесет пистолеты. Я оставлю ему ключ. Кстати, я распушу остальных слуг, пока буду в отъезде. Здесь больше никто не останется.

Ланден кивнул и протянул руку:

– Я очень ценю ваше предложение, Добсон, как и ваше молчание в этом деле. Желаю удачи в ваших путешествиях.

– Мне она понадобится. На этот раз я охочусь на большую дичь. Носорог. Вы его видели когда-ни- будь?

– Никогда.

– В таком случае вы просто должны снова меня навестить. Хотя бы для того, чтобы увидеть рогатое чудовище посреди моей гостиной.

Глава 8

Амелия вошла в кабинет Мэтью с Пандорой на руках. У нее накопилось много вопросов, требующих обсуждения с братом, и за время его отсутствия ее терпение иссякло. Она подошла к столу, где он склонился над пазлом, и опустила руки. Пандора грациозно соскочила на подоконник.

– Держи это адское животное подальше от моего кабинета! Почему ты никогда не делаешь, как тебе велено, Смутьянка?

Губы Мэтью сжались, превратившись в тонкую линию.

– Какой тоскливой была бы жизнь, повинуйся я всем правилам!

Амелия взглянула на Пандору, вальяжно развалившуюся на стуле брата, и безмолвно помолилась, чтобы кошке не вздумалось изорвать важные бумаги или, хуже того, кожаное сиденье.

– Мне нужно поговорить с тобой, но в последнее время тебя почти не бывает дома.

– Я выставил свою кандидатуру на пост председателя нашего общества. И, конечно, у меня немало других обязательств. Знаю, ты считаешь, что я днями напролет складываю пазлы. Но уверяю, что завален работой, пока ты гуляешь с Шарлоттой по утрам.

– В эту субботу я хотела навестить родителей и пригласила Шарлотту ехать со мной, но ее ужасный муж не уступает. Почему, дорогой брат, мужчины полагают, что их цель и долг – господствовать над женой? Не могу найти ни единой причины, почему Диринг не позволяет Шарлотте сопровождать меня.

– Зато могу я. Что касается решений лорда Диринга, его титул подразумевает господство над ней. Хотя Диринг – один из последних мужчин, которых я посчитал бы хорошей партией для Шарлотты. Конечно, нужно учитывать, что ее родители были в крайней нужде, а у отца имелись большие долги. Полагаю, то обстоятельство, что он взял жену без приданого, позволяет ему вести себя таким образом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/brayant_annabel/opasnaya-svyaz

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)